

СМЕНА

№ 7 АПРЕЛЬ 1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

**ЛЕНИНСКОМУ ЮБИЛЕЮ ПОСВЯЩАЮТ СВОИ
РАБОТЫ ХУДОЖНИКИ НАШЕЙ СТРАНЫ**

Что такое социальное развитие коллектива, и какое участие в нем может принять комитет комсомола?

В первой части статьи, опубликованной в прошлом номере журнала, рассказывалось об опыте социального планирования на Рыбинском моторостроительном заводе. В ней исследовалось: что такое социальное планирование, его преимущества перед обычным комсомольским перспективным планом, участие комитета комсомола в разработке и обсуждении плана, выбор точки приложения комсомольских сил для выполнения комплексного плана.

Во второй части статьи рассматривается опыт комитета комсомола Пермского телефонного завода по социальному планированию. В комплексном плане телефонщиков записаны самые сложные, самые тонкие явления коммунистического строительства: повышение общественной активности молодых рабочих, снижение текучести рабочей силы, повышение уровня образования заводской молодежи и тому подобное. В статье выяснены особенности социального планирования как метода решения молодежных проблем.

СОЦИАЛЬНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И КОМСОМОЛ

Игорь АЧИЛЬДИЕВ

ЭФФЕКТ НЕОЖИДАННОСТИ

ТЕМА: СОЦИАЛЬНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И КОМСОМОЛ.

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ: ТЕЛЕФОННЫЙ ЗАВОД, г. ПЕРМЬ.

ОСОБЕННОСТИ МЕТОДИКИ: САМЫЕ «БОЛЬШЕ» ВОПРОСЫ — В ПЛАН

Половину Перми занимает тайга: корябые сосны, тяжелые еловые елки. И стоит она рядом с новейшими корпусами заводов. Фабричные трубы не смеют соперничать с лесами.

Впрочем, и незначит. Кто-то из академиков сказал: «Чем выше трубы, тем ниже культура производства». А в Перми по праву гордится своей промышленностью. Она сложна по структуре, огромна по мощности. Четверть всей бумаги для страны дает Пермь. Химическое удобрение, машиностроение, металлургия, уголь, нефть — легче перечислить, чего здесь нет.

Может быть, именно поэтому Пермь стала объектом ближайшего социального эксперимента. Многие ее предприятия перешли на пятидневную рабочую неделю больше десяти, а на новую систему планирования и экономического стимулирования — около пяти лет назад. Ветер

новых возможностей раньше других подул в этом северном городе. Опыт, накопленный в Перми, должен был стать ключом к шифру социальных процессов, которые возникнут в других городах.

Естественно, почти на всех крупных предприятиях города созданы социологические лаборатории. Серьезные исследования, проводимые в Перми, постепенно стали давать результаты. Содалась своя, пермская, школа социологов. Одной из первых она получила возможность применить добытые знания о социальных процессах.

Конечно, не всегда эти процессы легко поддавались управлению. Первопроходцы, разумеется, не всевидящие. Они такие же люди, как и мы с вами. Но пермская школа социологов не побоялась включить в социальные планы развития коллективов самые сложные, самые «большие» общественные явления. Конечно, но как «планируемые мероприятия», а в качестве контрольных цифр.

Заключенная прогнана на производстве и планшета в быту, снижение

текучки кадров, повышение общественной активности и образованности рабочих и мастеров — все это проблемы насущные, труднейшие. Скажите сегодня любому директору завода, любую секретарю комитета комсомола, что «большие» вопросы в их коллективе разрешены, — какую прекрасную картину развернут они перед вами! Какую разную перспективу для производства и общественной работы они вам покажут!..

В пермской методике эта часть плана занимает больше места, чем в Рыбинске. Она тщательнее продумана, и — главное — в Перми удалось пройти по намеченному пути гораздо дальше, хотя тут стояло им большого числа ошибок.

С чего же началось на телефонном?

Скоро на заводе будут подводить итоги выполнения плана социального развития коллектива, он принят в 1965 году сроком на пять лет. Начало несомненно подвиглось. Оно торжественно в заводских преданиях и легендах. Одни считали, что все началось с музыки. Другие утвержда-

ли, что с директорского стола. Обе версии проверены.

...Если продвигаться вдоль конвейера, где собирают телефоны, то вострому вам будет лететь веселая и ритмичная музыка. Это придунал заводской социолог. Гитара, саксофон и барабан неожиданно появились на производственной территории. А сколько было смеха! Кто-то утверждал, что нех не концертный зал, надо работать.

Постенно авторитет социологов укрепился. На заводе все чаще стали обращаться к их услугам. Сегодня телефонный содержит свою лабораторию социологических методов управления производством. Но главное ее стоит Галина Сергеевна Рыкочева, в недалеком прошлом секретарь обкома комсомола. В штате у Рыкочевой два техника, инженер-исследователь холода, инженер-социолог, сама планка. Кроме них, на заводе живет и действует отдел отраслевого научно-исследовательского института социологии и психофизиологии труда со штатом около 50 человек.

Такова научная база. «Когда накопили солидный объем

информации и почувствовали, что можем управлять некоторыми общественными процессами, тогда мы приступили к социальному планированию (Т. Рыбинск).

Подтверждает и вторая версия. Директорский стол Ивана Федоровича Татариева действительно необычайный. Он его спроектировал сам. Стол изогнутый углов и широкой кривой прикрывает колени посетителя. Иван Федорович объясняет:

— Так удобнее, все под боком: папки с «делами», бумага, сырчонка, телефонки... И посетитель не чувствует себя сырткой. Ему удобнее записывать, легче спорить со мной.

Все это, конечно, домашний НОТ, «мазенькая хитрость». Но воиное-го героя, Иван Федорович — один из тех людей, которые кажутся особым (хотятки говорят — «высшим») путем чувствуют близость нового, умеют подхватить умную идею чуть не на лету. Да так ее повернуть, так показать подчиненным, что они открывают ее с восторгом и спешат внедрить в производство. При этом, как мы увидим далее, все делается основательно, продуманно, с размахом. И музыка и стол — смешные частности, мелкие подробности, которые просто остались в памяти «с тех времен». А сегодня... Помните? «Чем выше труба...» Так вот, сегодня на телефонном лет «высоких труб».

В Перми те же слагаемые социального планирования, что и в Рыбинске: крупный завод с высокой культурой управления и развитой аналитической аппарат.

Первый план социального развития трижды переосмысливался, уточнялся, прошел через стадию обсуждения проекта всему коллективом. И здесь комсомольцы вносили ценные предложения. Нет смысла повторяться, описывая эти стадии.

Нам важно выяснить, какие цели преследует план пермиков и как этих целей достигнуть.

ОТКАЗ ОТ ПРИВЫЧНЫХ АКСИОМ КОММУНИЗМА И ОБЩЕСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ РАБОЧИХ

Социальное планирование почти сплошь построено на неевклидовой геометрии. Параллельные линии здесь сходятся. Сумма углов в треугольнике не обязательно равна 180 градусам. А путь не самый кратчайший путь между двумя точками.

Она из главных целей, записанных в коммунистическом плане телефонников — развитие общественной активности рабочих. Так озаглавлен особый раздел плана — четвертый. Социологи считают эту цель составной.

«Социальная активность рассматривается как трудовая активность, как развитие творческого отношения к труду, а также как активное участие в развитии производства, в общественной жизни предприятия».

Так записано в преамбуле плана. А далее идет цифровая расщепловка. Наиболее интересна для нас, поскольку мы сами выросли на неких аксиомах и отказались от привычных представлений нелепо.

Мы привыкли: рост общественной активности — это всегда характеризуются обычно увеличением числа членов комсомола. А в комплексном плане черным по белому записано на каком и какой планируемого периода приблизительно одно и то же число.

Мы привыкли: за усилением об-

щественной активности следует численный рост активистов. В комплексном плане как было на 1966 год 250 комсомольских активистов (то есть избравшихся в комсомольские комитеты и бюро), так осталось и на конец 1970-го...

А завод растет, число молодых рабочих, рабочих, держится на прежнем уровне — пятистах, а вот комсомольцев и комсомолов, так и осталось и на конец 1970-го...

Но будем, однако, спешить с оценками. Возвратимся на другие цифры. Число членов научно-технического общества планируются довести с 280 до 500. Членов ВОНР — с 600 до 1 000. Членов комсомольского спортивного общества — с 1 000 до 2 000. В 1968 году в общественном бюро экономического анализа было 128 человек, а в нынешнем их стало 250.

Первый выход напрашивается сам собой. Общественная активность комсомольцев на телефонном растет в объеме технического творчества. ИТО и ВОНР, затем в бюро экономического анализа. Существует план конкретных мероприятий по развитию рационализаторского движения среди молодежи. Членство в ВОНР — естественное следствие реального технического творчества молодых рабочих. Все это та школа, без которой комсомол на современном производстве потерял бы часть своего солидного веса.

Но есть и еще один вывод: на телефонном были некие причины притормозить развитие общественной активности в тех видах деятельности, которые связаны с техникой. Главные цеха здесь — сборочный. Преодолеть монотонность, утомляющую работу конвейера можно лишь творчеством.

Той же цели служат и ДОО. Сравните с Рыбинским моторостроительским заводом заводчик. Так стало — один из факторов воспитания гармоничной личности, заботы о здоровье. В Перми — способ активизации рабочих. Они даже включены в разные разделы плана. В Рыбинске — в «мероприятия по гармоническому развитию личности». В Перми — в «повышение социальной активности». Конечно, эти параллели сходятся: цель-то одна! Вот вам первый пример, что такое неевклидова геометрия социального планирования...

Хорошо, спросит нас, а почему именно бюро экономического анализа получило столь широкую дорогу в телефончиков? Не мода ли это, не диктует ли время?

Если задуматься в ответ, то окажется, что кривая короче прямой. Но искать ответ нам придется у психологов.

ТРИ «КНТА»: ГЛАСНОСТЬ, ЭТИКА, ИНФОРМАЦИЯ

Ирина Мосина окончила отделение психологии философского факультета МГУ три года назад и сразу приехала в Пермь. Заводская лаборатория, конечно, не научно-исследовательский институт. Задачи другие, возможности меньше. На заводе трудно избежать отдачи из рук в руки. Иначе зачем директору психолога? Своеобразная фабричная психология — теперь Мосина ее понимает, а раньше подобные требования вызвали раздражение: как там отдача, когда ничего толком не исследовано?

Но в чисте заводской требователь-

Пролетарии всех стран, соединитесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года

Выходит два раза в месяц

№ 7 (1029)

АПРЕЛЬ

1970

И наша обложка: «Пути-дорожки юности» — картина Ирины ШЕВАНДРОВОЙ, представленная на юбилейной выставке московских художников.

10

Отрывок из романа ВАЛЕРИЯ ОСИПОВА об АЛЕКСАНДРЕ и ВЛАДИМИРЕ УЛЬЯНОВЫХ.

18

КРУГООР СОВРЕМЕННОГО: беседа с эстонскими учеными и общественными деятелями братьями АЛЮМАЯ.

24

ГИМНАСТИКА БЕЗ ФАНАТИЗМА. Проблемная статья мастера спорта Андрея КУЛАКОВА.

28

ЧЕЛОВЕК В СКАФАНДРЕ. Репортаж о тех, кто создает и испытывает снаряжение космонавтов.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

«РАЗГОВОР С ТОВАРИЩЕМ ЛЕНИНЫМ». ЮБИЛЕЙНЫЙ НОМЕР, ПОСВЯЩЕННЫЙ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА, РАССКАЖЕТ, КАК МОЛОДЕЖЬ ОСУЩЕСТВЛЯЕТ ВЕЛИКИЙ ЗАВЕТ ВОЖДА «УЧИТЬСЯ КОММУНИЗМУ».

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКТОРЫ: Г. М. Гусев, Е. А. Долгатовский, К. Н. Замощин, Р. Ф. Козакова, А. П. Кулешова, А. С. Лавров, А. С. Лихачов (ответственный секретарь), В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), Е. И. Рыбчин, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков (главный художник)

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будкина

...И снова дожди начались потру...
А что же нам делать под небом
грозовым!
Мы лампу зажжем и затею игру,
покамест бушует гроза над

Варзобом.

Ты думаешь, выиграл Милый чудак!
Мы в нух проигрались с тобой
обуюдо.
В душе породнились веселье и
страх —
где вечность, там весело и неуютно.

Недаром идет за столом разговор
о том, как летят вертолеты вслепую,

Я рад, что тело на краю земли
все испытанья выдержало с честью.
Окрепляю ноги, руки обрости
какой-то золотистой шерстью.
Я возвращаю покурную беду,
страх одолею и отпущу в страхе,
в если где-то кожу обдеру,
все заново, словно на собаче.
Я научился засыпать в седле,
рассчитывая опасное движение,
не торопясь угадывать во мгле
надуше и посылу навывальное.
Как изменилась тело! Но душа

как ливни ночам срываются с гор...
Ты в теньную! Делай что хочешь —
вистую!

Удар! И над осью Гиссара зыгзэг
пронесся — и окуная крыша палаток,
и небо на миг отразилось в глазах,
а с неба все взлетит, как водится,
глядю.

О чем нам заботиться, плавать
о чем!
Что тучи на гребень снега отпряжут!
Горят наши зорыб снига огнем,
и снига огнем небеса попытают.

Она во власти суверенной дрожи
в ночной простор глядит, едва дыша.
Но замечна быстротечных дней,
она живет ниным временами,
и буждее властует над ней,
и прошлое преследует тенями.
Нет-нет услышу: с милыми людьми
[на что ей эти реки, эти горы]
она ведет ниные разговоры,
глядит в слезах в роковые просторы,
в другие ночи и другие дни.

ном не были готовы к такому обороту дела. Провели привычные анализы воздействия — все нормально. И общественность работает неплохо и контролирует в чехлах. Развелись общице цифры по категориям рабочих — благо, цифры маленькие и можно разглядеть за ними отдаленных людей.

Выявлены нечто совершенно не ожидаемое: да, прогулы мужчин и подростков noticeably снижаются, зато несколько выросли прогулы среди женщин!

Это было бугвально, как гром среди ясного неба. Вот уж чего никак не ждали! Возникла «женская» проблема, требующая совершенно иных методов решения.

Конечно, на телефонном справляться и с «женской» проблемой. Но она никогда бы не проявилась, если бы анализ общественных явлений проходил не от случая к случаю и не когда гром гремит, а систематически, постоянно.

Кто-то из ученых скептиков сказал, что скоро можно будет анкетам, как снегом, осыпаться всю землю. Возможно, но анкет все еще очень мало, а годовых и результативных

исследования еще меньше. И расследоваться за это приходится иной раз упушенными думами, искаличенными заявлениями, «раббитскими» сердцами — как ни melodраматично звучат эти слова, они неплохо отражают людские боли, обиды, отчаяния.

ПРИГЛАШАЕМ — КТО ХОЧЕТ ВЫСКАЗАТЬСЯ НА ТЕМУ: «КОМИТЕТ КОМСОМОЛА И СОЦИАЛЬНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ».

Через год на телефонном полднует итоги своего пятилетнего плана. Что он принес рабочему? Как был и кем стал комсомолец 1966 и 1970 годов? Уверены, этого будет немало, можно гордиться.

А дальше?
— Ну, уж теперь, — говорит Василий Выжолкин, новый секретарь комитета комсомола, — мы учнем! Сначала проанализируем все опибки и промахи. Пройдем с минюсактемом по всем этапам прошедшим годам. Понизим, вот да там футбгос замядленного действия. А уж потом... потом будем создавать новый

Я буду помнить этот дом
до самой смерти. Под окном
раббит незарачный галландник.
Сегодншнюю ночь во сне
куст георгин приснился мне —
багряный цвет, вчерашний праздник.

Неподалеку темный вяз,
откуда, помнится, не раз
в падаю, и обидно, и в здорвье.
Там была черная самя
породистого воронья
свое крикливое гнездовье.

Есть улица. Она давно
уже не та. Но все равно
нет-нет да выгнут детали

Мне было жаль, что не поймет меня
тот, кто ни разу с жизнью

не прощались,
кто с ницего душой не возвращался
в родный дом на грани мглы и дня.
Когда ночные тени за спиною,
когда в глазах и под глазами тени,
и словно катафалки повывале
из-за угла машины похвальной.

Когда на белом свете ни души,
все silent звалую — даже постылые...
Как звонко разосним мостовые
мои шаги в светлеющей тиши!
Я шел и знал, что на моих губах
осела соль мичерной быстротечныз,
илпноты, разваленые в прах
горячий пепел заповедей вечныз.
Над головой светлели небеса,

доисторический времени:
ручей, забор, зеленыея дерн,
окалина золотой стаяк.

Есть прошлое. С течением лет
его колеблюющийся свет
горит все ярче год от года.
Судьба... Что рассказать о ней!
Что нет без призрачных огней
ни человека, ни народа.

Срок наступил. В конце концов
мы разучили роль отцов
и сознаем, что час тот близок,
когда, нащупывая нить,
мы разом сможем охватить
линувшего прекрасный призрак.

а в голове едва дымилась гора
каких-то слов...

Но плыть покуда
другу раздвинул, неслыные гонуда.
Донюю ветром. Сладкий аромат
привыкнувшего лилового цвета
ударил в ноздри. Середина лета.
Так вот в чем дело:

скоро листопад!
Ах, эта жизнь. Печально и люблю,
что красота сроднилась
с безобразьем,
и заболел тоном разнообразьем,
а ты меня толкаешь в колоде!
Как пахнут липы, влажные внутри,
как все смешалось: тонкая запаха
и свежесть листьев, и дымящее ветро,
и розовое золото зари.

план. Тогда посмотрим, чего стоит эта книжечка.

И он положил руку на бронюру явля, словно клянется в чьей-то или призывая сам план и свидетеля.

Сегодня в Перми еще несколько заводов приступили к социальному планированию, у них есть опыт телефончиков. Занесивранет проходил перед глазами соседних секретарей комитетов комсомола. Начинается процесс, который в физике был охарактеризован ценовой реакцией. Она захватила Москву, Свердловск, Ленинград, Львов — многие заводы решили позавтоваться о первом социальном планировании.

Когда-нибудь в первых шагах социального планирования напишут если не роман, так документальную повесть. Вспомнят первопрородителем на Рыбиске и Перми. Появятся добрым словом тех, кто на своих плечах пронес бремя открытия, своими силами прогнал «трешку» в неизвестные доселе горные страны.

Такая повесть будет памятником первопрородитам.

Задача стоять книга. Можно еще много рассказать о каждом из комитетов комсомола Рыбиского мото-

ростроительного и Пермского телефонного заводов — опыт их работы сегодня даже трудно оценить. Вызвдо из их опыта?

Социальное планирование — дело нужное и полезное. Оно позволяет подступиться к решению тех задач, которые ранее решить было невозможно: тармологическое развитие личности, повышение социальной активности, борьба с антиобщественными явлениями.

Дело это, повторяем, нужное и полезное, но нельзя браться за него в одиночку, силами одного комитета комсомола. Оно общее, общезаводское. Комитету комсомола важно избрать правильно точку приложения сил, чтобы помочь как следует составить план и претворить его в жизнь.

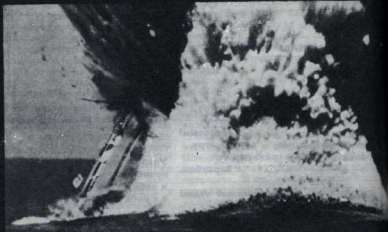
Далеко социальное планирование трудоемко и сложно. В нем есть та «книжная», которые вороч «иринские» результаты, могут волновать и ходе выполнения плана совершенно неожиданным. Поэтому анализ общественных явлений должен идти систематически, постоянно.

25 ЛЕТ
ВЕЛИКОЙ
ПОБЕДЫ

9
МАЯ
1945

Дмитрий ХОЛЕНДРО

Евгений ХАЛДЕЙ,
Владимир ЧЕИШВИЛИ,
Борис ШЕЙНИН (фото)

СЕВАСТОПО

М вот я снова в Севастополе. Белый корабль, легко рассекая сизоватую от легкого тумана гладь бухты, подплывает к Белому городу. Ни один моряк не сказал бы, конечно, «подплывает». По морю ходят. Но уже затили корабельные винты, уже окончен путь, усталый черноморскими волнами, уже показались впереди знакомые рифленые колонны Графской пристани, пассажиры выслапали на борт, и корабль движется неслышно. Будто бы невесомо, даже нежно. Он сейчас плывет. Его тянет не сила машины, а сила сердца. Тянут воспоминания...

Первый раз я пришел в Севастополь в мае сорок четвертого года. По дороге, изрытой снарядами, начиненной минами, перегороженной рубежами вражеской обороны. Из зарослей мелких кустов мы смотрели на крутую стену Сапун-горы, там и тут покрытую лобастыми бородавками фашистских дотов, и была горюной от гери, висющей в воздухе, потому что на склонах ее рвали с промежутками, напряженными от ожидания, то гремевшие бомбы, то свистящие и ахочащие снаряды. Готовился штурм...

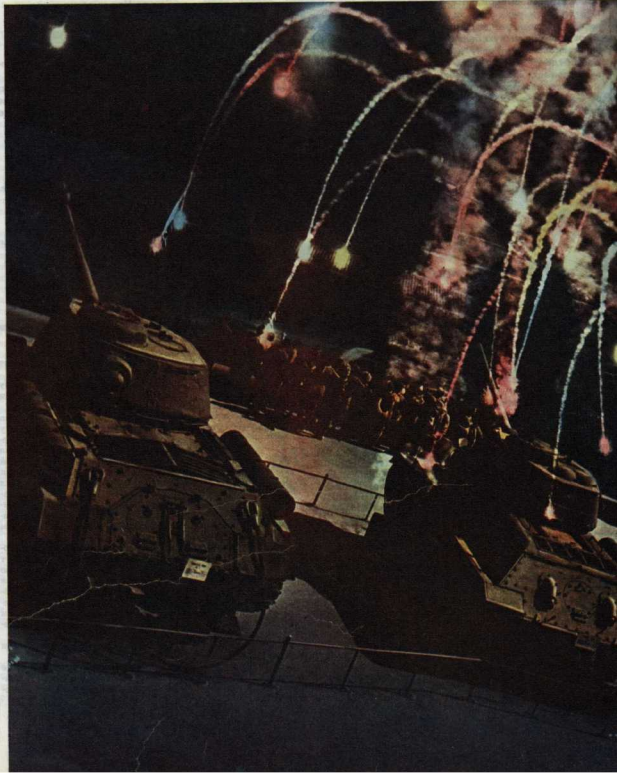
Могучее тело Сапун-горы описывает город словно бы крепостным валом гигантской природной толщи. За ее прикрытием лежал Севастополь, вернее, то, что осталось от него, — обугленные руины...

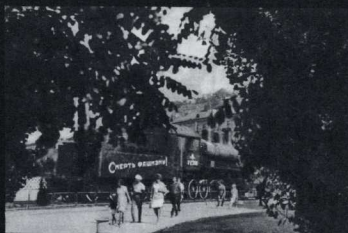
Обороняясь, советские воины стояли насмерть.

Тогда они выдержали 250 дней осады с беспрерывными штурмами. За пять дней одного штурма на город было сброшено 48 тысяч бомб, обринуто 126 тысяч снарядов. Всего за шесть дней! Разрушались дома, осыпались окопы, но не сдавались люди. Политрук Н. Фильченков и матросы В. Цыбульский, Ю. Паршин, И. Красносельский, Д. Сидинов, обвязавшись последними гранатами, бросились

*Нежнущая слава Сапун-горы,
где советские воины совершили
беспримерный подвиг.*

●
Севастопольский вальс.

ЛЬСКАЯ ВЕСНА

← 18x24

18924.

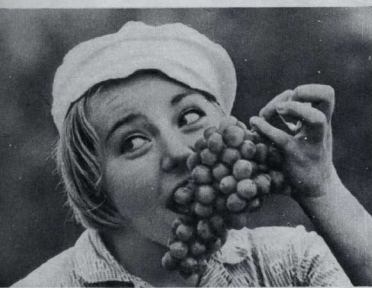
под танки и остановили их. Действовали наверняка, чтобы не промахнуться. Сейчас на том месте стоит общий памятник пятиерым краснофлотцам, Героям Советского Союза. Комсомолец Яков Иванов таранил в воздухе фашистский стервятник. Комсомолец Александр Мальцев взорвал себя и фашистов, пытаясь взять его в плен. Комсомолец Иван Голубец в Стрелечкой бухте, сбросил в воду с загоревшегося при обстреле катера запас глубинных бомб, сам погиб, но спас стоявшие рядом корабли. Зенитчики, которыми командовал Герой Советского Союза И. Пьянзин, когда фашисты ворвались на их позиции, вызвали огонь на себя. Всего не перечислить, всех не назвать, но и не забыть. «Я умираю, но знаю, что мы победили», — кровью написал комсомолец Алексей Колосный до последнего патрона защищая свой дот № 11. Может быть, не все сегодняшние молодые люди знают, что это такое. Это долговременная огневая точка, и была она поместие долговременной, потому что в ней у пулемета находился человек, слова которого объясняют миру Севастопольское чудо.

Уходя к другим берегам, к другим рубежам, без клятвенной парадности воинны-севастопольцы шептали живым и павшим, своим себе:

— Мы вернемся.

И вернулись. За спиной были штурм Перекопа и Керченский десант через бурное осеннее море. Неоглядное поле перед Сатуно-горой простиралось, как сцена решающей битвы. Кое-где над головами бойцов цвели деревья, и было слышно, как в их робких весенних облаках жужжат пчелы... До сигнальной ракеты, когда все заглушило начало штурма... Фашистский генерал Енекке утверждал, что его группировка будет удерживать Севастополь не хуже советских защитников. Ведь гитлеровцы собирались объявить Крым германской землей, обещали солдатам поместья за стойкость. За два дня мы одолели Сатуно-гору. А еще через день на мысе Херсонес были пленены остатки разгромленных гитлеровских войск.

9 мая 1944 года над обожженным и обожженным куполом Севастопольской панорамы, полуразрушенным памятником защиты города от англо-франко-турецких пришельцев в середине прошлого века, зареял красный флаг. Это символично, честное слово, что день освобождения города русской славы выпал не 9 мая. История не могла выбрать лучшего дня. Через год он стал днем полной победы над врагом.

Из руин и развалин встал
новый город, еще более
прекрасный.

•

Работницы Севастополя.

•

*Песни на Приморском
бульваре.*

•

Виноград «Золотой балки».

•

Морак начинается с суши.

В час заката.

●
Последний круг — и матросу снова в море.

●
«Подвиги севастопольцев будут жить в веках!»

Я не раз приезжал на Сапун-гору в Праздник Победы. В прошлом году не смог, и среди ночи позвонил телефон. Вызывает Севастополь... Немолодой голос:

— Здравствуйте, это Петьа Коток!
— Кто?

— Бронбойщик...

И сразу в памяти — Сапун-гора, вражеская контратака, танки, и подполковник крепкий парень выдвигает из окопа длинное ружье, чтобы встретить их. Танки горят — первый, второй, третий... Петр Коток! Значит, он приехал на Сапун-гору из своего Криворожья, потомственный шахтер, иskal, наверное, тот самый окоп, а его давно запахали, и далеко разлеглись и кудрявятся зеленую виноградники совхозов Софьи Перовской и «Золотая балка», посылающие знаменитые вина на праздничные столы всей страны. Не найти старого окопа, Петьа... Годы прошли не зря. Да и у самого Котка сейчас уже внуки. Это и для них он пробивал фашистскую броню, не робея перед гремющими громадинами, освобождая Севастополь, меньше всего думая, что внуки будут говорить: «У нас дедушка Герой Советского Союза». Для их мира. Их учебы. Их радости.

После встреч на местах боев, поздравившись новостями о детях (и уже внуках!), бывшие молодые (и врозь бы снова помолодевшие!) бойцы любят побродить по праздничному городу. Май... Скверы полны сирени... Цветы на газонах, цветы в руках у людей... Хорошо. Радостно. Стоять на каком-нибудь пригорке и смотреть на вереницу новых домов — ослепительно белых. Севастополь весь белоснежный, потому что отстроен из белого инерманского камня, и сейчас в шпательных мощного карьера, где прятали боеприпасы раненых, режут и режут камень для новостроек. Красивый город...

— Дядя, вы первый раз в Севастополе? Хотите, мы вам покажем!

— Кто?

— Все!

Двое мальчишек лет по двенадцати для мамы ведут на Исторической бульвар, где сохранились не только руины и флешы Четвертого бастиона, но лежат и полуросшие в землю стволы орудий, отполированные миллионными прикосновениями, и лады к ним. Среди защитников этого бастиона был Лев Николаевич Толстой, молодой, еще безбородый. Здесь, в

землянке, написал он вешние слова: «Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой герою был народ русский».

Длинная очередь тянется к круглому зданию Севастопольской панорамы. В город приезают тысячи туристов, и все хочет увидеть эпизоды битвы более чем вековой давности и ее героев — адмиралов В. Корнилова и П. Нахимова, бесстрашного разведчика матроса Петра Кошку, матросскую дочь Дашу, ставшую первой в мире сестрой милосердия и названную в народе Севастопольской.

Варварски была уничтожена панорама — ее бомбили «юнкерсы». Мозаики разрезали на куски обожженное полотно выдающегося русского художника-баталиста Ф. Рубо и, спасая,

вывезли на лидере «Ташкент» из горящего города. Потом под руководством известного художника П. Сковорода-Скала нынешние баталисты восстановили панораму. Стоит на давнем месте и памятник П. Нахимову, хотя прахный был взорван захватчиками и увезен в Германию на переправку.

Невозможно стереть следы народной славы, если народ непобедим и сам не предаст забвению своих героев. Ни в одном городе, пожалуй, не

увидишь столько памятников. Они тут очень естественны, и Севастополь умеет хорошо беречь их, показывая пример другим городам. Бронзовые знамя и морская цепь на скале это Петру Шмидту и его товарищам с востановшего «Очакова». Старые якоря на защитной стене Приморского бульвара — с кораблей, затопленных при первой обороне и загорожденных здесь в Севастопольскую бухту неприятельской флоты... От памятника к памятнику ходишь, как от битвы к битве, от победы к победе. А здания? В этом оперировал раненый Н. Пирогов, основоположник военно-полевой хирургии. В этом был лазарет, где служил врачом младший брат Ленина Дмитрий Ульянов.

Потомки не остались перед героями в долгу. Можно многое узнать о них, разглядывая реликвии Черноморского флота в музее. Да ведь город как музей! Не называя улиц, а переключая эпохи! Историю, лейтенанта Шмидта, революционных матросов Антощенко, Чистякова, Гладкова, расстрелянных вместе с ним на острове Березани, маршала Толбухина, Нади Краевой, секретаря райкома комсомола, павшей смертью храбрых в последние дни защиты города от

фашистов, Василия Ревякина, молодого коммуниста-подпольщика, выпущенного в оккупированном городе газету «За Родину» со сводками Информбюро...

И лучший памятник героям — сегодняшняя жизнь, ради которой они сражались.

Я был в Севастополе, когда среди сплошных руин начали вырастать первые дома. Молодые строители расчищали завалы и возводили стены на пустырях. Работы писали свои имена на камнях, поднимавшихся выше и выше. Не для славы. Они знали, что их расчертил замазает штукатурка, закуют облицовочные плиты. Писали для себя, чтобы видеть, сколько ими сделано, от кооператива. Энтузиазм строителей, талант архитекторов, бесспорная работа организаторов... И стал Севастополь краше, чем когда-либо. Улица Ленина, проспект Нахимова, специально застроенный лишь с одной стороны, смотрит окнами на море, на корабли. Открыли свои двери 50 школ, училища, техникумы, приборостроительный институт, научно-исследовательские центры биологии южных морей и морской гидрофизический... 100 промышленных предприятий начинают трудовой

день вместе со всей страной. В Камышовый бухте вырос рыбный порт.

А в свободный час — пожалуй, а в библиотеки, которых больше ста, в читальни, в картинную галерею, где раздадут подлинник Рафаэля, Гамбринда, Рубенса, в театры — их два в городе — Черноморского флота и имени Луначарского. Звучит музыка отечественных равняных на бесчисленных бульварах. Теплые сумерки полны ею. Город любит свои песни: «Зачетный камень» двух участников обороны — композитора В. Монроусова и поэта А. Маршала, «Севастопольский вальс» К. Листова, поет сегодняшние, молодые, жаннеродостные... Поет и сочиняет...

Кстати сказать слово о литературных традициях города-героя. Лев Толстой впервые подписал полным именем свое «Севастопольские рассказы». До тех пор Россия знала его под буквами «Л. Н. Т.», которыми он подписывал рассказы и повести. В Севастополе родился и вырос замечательный писатель-маринист К. Станюкович. В Балаклаву писал свои хмельные от горя рассказы и писатель Николай Иванович А. Куприн. В переполненных севастопольских залах не раз выступал В. Маяковский. Он любил этот город, говорил стихами и морями писали в дни осады: «Ваша Севастопольская страда» воюет рядом с нами. Она защищает Севастополь! Или рассказы Бориса Лавренко и писателя Собольева, увлеченных флотские мастера пера, служивших и воевавших здесь! О востановив «Очаков» писал Константин Паустовский, сказавший о своем первом шаге на севастопольском земле: «Я смотрел как зарывавший на все вокруг. Значит, не только в книгах существует этот город». Замечательный российский писатель В. Кучер и азербайджанский писатель Абулгасим посвятили городу свои известные романы «Черноморцы» и «Бескон друдий». Да, друзья советских народов рождена победу и закалялась в боях...

Город живет полнокровно, неутомимо. И отдаляет от трудов у моря. Город наряден. От солнца, от спомычки и прозрачной морской синевы (в бухтах всегда тихо), от белены своих домов, от деревьев и цветов, от птиц, от синих свежих оконных ставень, от ласкового улыбка. Ндут по городу дети, много детей, будущих моряков, ученых, инженеров, каменщиков, виноградарей, поэтов, творцов бесспорной жизни.

В Севастополе проверяешь себя. Там выходясь из замкнутого круга личных дум и забот, приобщившись к истории, становишься настоящим временем и народа, причастным ко всему, что было и будет.

«Корабль приближается к Графской пристани. Где-то бьют синими — морские часы. Они прокут в легком солонном выдохе голосистой медью корабельных колоколов.

— Держи конец! — И корабли летят на берег канат, который подбравят и накручивают на тиббу старого мекета, иззубренного осколками.

А солнце полным кругом уже встало над волнами и протинуло и берегу свои первые лучи. Слово тоже жалея прижаться к этому мекету и стоять здесь. Вода засверкала, морса стала ярким.

Широкая лестница Графской пристани выводит в белый город...

ЗА БЕСПРИМЕРНЫЕ ПОДВИГИ СОВЕРШЕННЫЕ В ЛЕГИОНЕ
 АДАЕЕВ М.В. ГАХОКИДЕ М.А. ЕФИМОВ Я.
 АДАЕЕВ Н.П. ГЕТЕШИЗЕ А.С. ИВАНОВ Я.
 АЛЕКСЕЕВ К.С. ГЕРАСИМОВ Ф.Ф. КОВАЛЕВ Ч.К.
 БАДАА М.К. ГЛАВАШКИН И.К. КОЛОТРИВОВ
 БОГАТЫРЬ Ч.И. ГОЛУБЕЦ И.К. КОНДРАШИН
 ГАЛАНОВ Н.В. ГРИБ М.И. КОРЗУНОВ
 СИГАЕВСКИЙ В.Г. ДЕНИСОВ К.А. УРКНСОЛЬСКИЙ

Валерий ОСИПОВ

АПРЕЛЬ

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

1.

Ночь взломалась Волга...

Несколько дней перед этим шел мокрый снег. Ручьи и потоки обещали подпереть спину реки. Снег сгорал от земли, лед — от воды. Волга пошла, вздулась. Энергия великой перемены, до этого копившаяся тайно, скрытно, вышла наружу, плеснула через край, забушевала на просторе.

Ток жизни бил по древесным жилам. Первые редкие лобки всплывали в расщелинах старых столов... Володя стоял в саду. Пахло прелью, мокрой рогожей, сырým ветром. Искры и трещина на светлом фоне голых ветвей, опулись еле различимые, серебристые льдинки-кристаллики.

Это был уже не снег, но еще и не дождь. Небо по старой зимней привычке устремлялось на землю, но земля еще не была готова встретить небо по-новому. И льдинки-кристаллики, не став дождем, бесцельно задевая за ветки деревьев, шлептели печально и грустно. И было похоже, что кто-то большой и невидимый слегка колыхнет прозрачный ледяной занавес, за которым неясно и расплывчато угадывался старый сад ульяновского дома и сам дом — с алмазником и мраморным белым балконом второго этажа, на который выходили окна из Сашиной и Азинной комнат.

Володя прошел через сад, через двор и, не заходя в дом, вышел прямо на улицу. Вся Московская с журчаньем бежала от Большой Саратовской вниз, к Святею. Около калитки был самый настоящий брод, бурлили смутки и закружки, в ручьях неслись мимо щепы, грязь, мусор, и вся улица, размытая, расквашенная, была больше похожа на переправу через неширокую реку, чем на улицу губернского города.

Прягая с камня на камень, Володя пошел вверх. Сегодня, на благовощенье, был день отпущения на волю, и Митя с Манюшей упростили его купить двух каких-нибудь пичуг, чтобы потом в саду, прямо с ладоней от-

К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина писатель Валерий Осипов закончил роман «Апрель», который рассказывает о юности Владимира Ильича, о его старшем брате, Александре, казненном за попытку покушения на царя, о олимпийской судьбы Александра Ульянова на формирование революционных взглядов юного Ленина.

Предлагаем вниманию наших читателей отрывок из романа Валерия Осипова «Апрель». Полностью роман будет опубликован в 1970 году в журнале «Дружба народов».

пустить птичек — подбросить теплый комочек вверх и смотреть, как записались радостной трелью, взмывает пернатый пава в синие небо.

У гостиниго двора, как всегда, стояло много крестьянских телег. Распряженные лошади лениво жевали сено. Пахло навозом и дертом. Мужики, сидя на газе и нагнув картузы, стояли चुкачи, не спеша переговаривались, пока ссадовод.

Воле двух пичелово — целая орава. Покупатели, в основном ребята, толпой окружили составленные друг на друга этажерки клетки, суют провады, медяки, пачки, суедаки, приносят уго, почти как же, как сами чинку, ослуные. На турникмах решеток одна через другую с жердочки на жердочку (по глагоду благовещенного отпущения их, бедняг, в каждую клетку было посажено штук по десять, не меньше).

Получив деньги, пичелово осторожно открывает дверку клетки, протягивает уго, на решетку — лавочку очередного номера или щетка. Птахи, распоры крылья и прижавшись друг к другу, забавляясь в угол, пицады, зашиделься как могли. И хотя человеческая рука именно на этот раз должна была принести им свободу, птицы, как всякие находящиеся за решеткой ступицы по старой традиции уминок, уже ни от чего не ждали, ничего хорошего и, переконная из клетки, где можно было коть пригнать, в ней-нибуду потный кулик или за пазуху, наверное, заревное прощались со своим пичельным жезлами...

И уж, конечно, немало дивились, когда какой-нибудь нетерпеливый Ванюшка или Петушка, отойдя шаг на доске от пичельного торго, доставал бережно из кармана своего пенника и, шебруя улыбаясь, доверчиво открывал ладонь, предлагая оторопешему от неожиданного счастья кенару или щеглу полную свободу. И можно было совершенно волюно лететь на все чело, что стоило, уже и летать, ослезая, что надежданенно, невожо-можно, чего и быть-то, судя по предрательному содержанию, никогда не могло — освобождением, — вдруг состоялось, наступило внезапно и скажонно...

Воледа, решая передать, пока покупательского клеток стоял помечка, отошел к витрине книжной лавки. В уши сразу же полез разговор стоющих у телег мужиков.

— Вот она и вся наша торговля. Полтину прикупил, две проел. А на развод!

— Копейка, сват, копейку любит. Копейка от дыры бегает.

— Леточий год об эту пору пшеничка ядовит против ношенного быда, это как!

— Наш-то кровосос подрада два барки, да в Самару. По три рублика за пудан вазл.

— А вот и продавец как помирал, так барин наш бывший в избу припожаловал. Лекарство принес...

— Чего ж так-то?

— Завоскисился. Раньше без зубов и разговору не было. Чуть что — сразу в моч...

— А вы бы ему петуха красного...

— Собирался. Да тут самый раз воля вышла...

— Отступились они волеи-то, отвели вашу грешную от топора...

— Ибо раньше за мязлив было такое, благополучие. Отпалал на барина, паши себе. Обидно, конечно, да что сплюкнуто... А теперь всуду всей головой упираю: здесь купить, там продать...

— Да, восторпалась православная жизнь. Куда летим, но знаем, где следы, не ведаем...

Воледа обернулся на последние слова. Сказал их высокий рыжебородый крестьянин в дубенном полушубке и густо смазанных детем сапогах. Он стоял, небрежно опершись локтем о край телеги, засунув руки в карманы полушубка. Лицо рыжебородого было крупное, мостатое, глаза строные.

Около него, черта интуитивная по земле, мялся низкорослый, толстый музичонка в равном на спине армяке, губы заросший русыми волосами. Из-под шапки, похожей на шляпу старого гриба, свисали на воротник армяки длинные косицы.

— Весну зыгот год два раза уже кликали, — тонким голосом сказал маленький, — а все не развиделось... Картох-то перебарли, а земля стоит мерзлая, чужая.

— А вы третий раз покликайте, — усмехнулся высокий крестьянин, — Бог слышу!

— Старик говорит, что Родион-леподом ныне поздний будет... Не знаю, как и с ослами-то будет: управится ли, нет...

— Ты стариков больше слушаи! — Рыжебородый вытаскил руки из карманов, высморкался. — Они тебе наветнут... Много добра под киние советы навяжут...

Толстый музичонка ничего не ответил, спрятав ногу за спину.

— Прошлый год у нас тоже аж до самого Николая на пичи сидели, — зло сверкнул строгими глазами высокий мужик, — все шептунцы эти слухали, друг на друга оглаживались. А я плюнул, да в Нареме три десятинки и выселся... То-то они теперь решатом все киние хлещать.

— Ты старик, Славяк, когда павады думашь! — Маленький крестьянин посмотрел снизу вверх на своего длинного собеседника, и от этого русые косицы у него на затылке вздернулись, полезли в разные стороны.

— «Когды», «когды», — передавала рыжебородый. — Тогдаи Надо будет, придет время — обмолонусь. Своя голова, плечи, сапоги...

Он амурчато заступил полушубок на все кривое до воротника, выложил сверху борозду, взглянул сверху вниз на маленького, усмехнулся.

И, быстро взглянув по сторонам, высокий отошел от телеги.

«Любопытнейший типус», — подумал Воледа. — Негоцинт симбирского махача... А давай, он все про себя знает. И куда летит, и где сидит. Но хитри. На всякий случай. Пускает палец в глаза, чтобы скрыть истинный размер своих торговых делюшек... Судя по узлеткам, вырастет в крепкого куличика...»

Улыбаясь — ослинкуя слезки.

Воледа обернулся. Около пичельных клеток стоял Наумов.

— Здравствуй, — сказал Наумов и, на мгновение опустив взгляд, тут же снова поднял глаза.

— Здравствуй! — Голос Володи был неопределен: не было в нем ни радости по поводу встречи с одноклассником, ни раздражения, которую, как замечено, Наумов ожидал услышать.

— Ты не обиделся на меня за тот урок Керенского? — спросил Наумов.

— Нет, не обиделся.

— В конце концов каждый волен говорить то, что он думает, правда?

— Конечно.

— Я всегда считал, что сочинения ты пишешь лучше. И тогда об этом сказал... Но может же у нас быть об одной и той же кинге разные мнения!

— Я тебя ни в чем не обвиняю. Ты напрасно оправдываешься.

Наумов замолчал. Надо было сменить тему разговора.

— Ты за птачками пришел?

— Да.

— Пойдем ко мне, я тебе дам. У меня есть отличный сеньгр. И две овсянки.

— Заешь? Я куплю.

— Да уж ничего нету. Смотри, один воробуй остался.

Воледа подошел к продавцам. Большинство клеток уже опустело. Кое-где сидели еще, правда, находившиеся птахи, но всецель шеглов уже не было. «Как же быть!» — подумал Воледа, досадуя на себя, что за мужичонки разговорам забыл о просьбе Манши и Мити. — Надо обязательно где-то достать хоть пару кинки-нибуду киневая...

Воледа подошел к клеткам, густо усаженной зерном и кормом, одного сидел на краю жестяного блюда с водой большой ностый дятел. Наклоняя голову в одну, то в другую сторону, он печально смотрел одним глазом на людей и, казалось, даже вздыхал тяжело, углованным своим долгим и бессмысленным одиночным зловещимом за решетками клетки.

«Вот на кого был похож этот длинный рыжебородый мужик», — подумал Воледа. — На дятла. Но только не на этого, сонного и полуживого, а на молодого лесного дятла, который активно бегает по дереву и стучит, стучит своим длинным клювом по стволу, собирая букашки и насекомых... Этот длинный, наверное, вот так клюет кинящую подерживающую руку копейку...»

— Из Петербурга никаких известий! — вдруг тихо спросил сзади Наумов. Воледа вздрогнул. Наумов слышал вслух о том, о чем подумал и он, взглянув на одного из продавцов, грустно съездивая за решеткой птачку. Но он, Воледа, тут же подвинул в себе это сравнение и отогнал, погнав мысль о Петербурге... Собственно говоря, эти мысли пришли к нему сразу, как только он подошел к пичельному рынку и увидел за решетками в клетках птиц. Потому что и отошел в сторону, потому так долго и спускал разговоры, стараясь чтобы только не думать о Петербурге, о Саши, о маме, чтобы только не давать горючую пищу своим настроениям.

И вот теперь Наумов сказал об этом вслух...

Неожиданно Воледа почувствовал и Науму даже что-то вроде симпатии. Вернее, не симпатии, а благодарности за эту общность ощущений. Все-таки они были учителя и тонкими параван. В гимназии они не сидели из-за глупого соперничества, которое возбуждали в Наумове некоторые преподаватели, вроде Керенского.

— У тебя действительно есть хорошие пташки! — спросил Воледа.

— Пойдем посмотрим, — предложил Наумов.

— Пойдем, — согласился Воледа.

2.

«...восьмистот девяносто шесть, восьмистот девяносто семь, восьмистот девяносто восемь, восьмистот девяносто девять...»

«Сейчас заиграет колокола», — подумал Саши, оборвав счет.

Тишина. Мертвая тишина. Нигде не слышно ни единого звука. Где-то пролетит ветер по выжженной крыше. И опять тишина.

«Гос-поди, по-ми-ни-луй-я!» — вступили колокола.

Саши облегло восторженное. Значит, счет был верным. Пятнадцать на шестнадцать — ровно девятнадцать.

Итак, прошло четверть часа. Еще четверть часа твоей жизни. И остальное время ты можешь жить, все-таки выйдет помилосивать!

Саши произошло из угла в угол. Новая камера, куда его привели после суда, была больше прежней. Та же табуретка, стол, кровать. Но стены были другие.

В первый день после переезда из предревалики, пораженный густой, вязкой тишиной в камере, он попробовал будить соседей, но с удивлением обнаружил, что стены в новой камере совсем не каменные, а представляют сложную конструкцию: обем, плотная материя (по всей видимости, полотно), потом мелкая металлическая сетка, за ней толстый слой войлока, и только уж потом удавалось нащупать знакомый колол камен.

Значит, здесь сидят с ума не только ожидаем исполнения приговора, но и тишиной, подулывает ему тогда, чтобы это ожидание не было рассеяно никакими посторонними звуками. Чтобы осужденный был полностью предоставлен мыслям о тяжести совершенного им деяния, мыслям о близости своей смерти.

В окне, вырезанном в двухуровневой наружной стене и забранном двумя застекленными, зарешеченными железными рамами, смутно была видна крепостная стена, еще большей, кажется, толщиной, чем стена каземата. На стене стояла будка часового, а над ней высоко торчала каменная труба, из которой струился сизый дым.

«Гос-поди, по-ми-ни-луй-я!» — зазвонили колокола на крепостных часах. И второй раз: — Гос-поди, по-ми-ни-луй-я...»

Так, еще четверть часа.

Он прощелся по уложенному войлоком полу до умывальника. Повернул

1 Соученик Володи по гимназии. Окончил курс вторым. Был награжден серебряной медалью.

к двери. Поставя около нее, глядя на квадратное, запирающееся снаружи отверстие, через которое солдат поддал ей.

Посередине квадратного отверстия был вырезан застывший глазок, тонкой закрывавшийся снутри. Глазом на пороге из коридора называли людей — как ты, как ты, как ты, и наддверные незаметно подкрались к нему и тайно наблюдая за арестантом, скрип слогов каждый раз выдавал. «Хот бы мазь или специальную отпустили... подавали однажды с досадой Саша... чтобы не действовали так на нервную...»

Он шел на туалетную, присел, вынул из стенок Петровадовская крошечку... Русские эти... Кого только не видели эти стены! Рылеев, Шевченко, Достоевский, Каракозов, Бакунин, Чернышевский, Писарев, Кропоткин, Желябов, Перевалова...

В чем дело? Почему так устроена эта жизнь, что те, кому, справедливо, тот кто живет в тюрьме, борется за то, чтобы изменить условия этого подлого, жалкого существования, именуемого российской жизнью... почему такие люди всегда страдала, затем, узники глухих камер, почему они почти всегда кончают свои дни в сырьях, в тюрьмах, на виселице? А те, кто жесток, циничен, лодырь, глум и справедливости, добру и правде... те, кто благоустраивает, наслаждается жизнью, диктуют законы, вершат судьбы людей. Они всегда отцы семейств, примерные мужья, столпы общества, наставники юношества...

Почему? Может быть, стремление к правде и справедливости всегда связано с муками и страданиями? Может быть, их и не существует — этой правды и справедливости, если путь к ним вымощен столкими лишениями и терзаниями?

Второй. Да, для того кто состоит в опущении борьбы, в радости противоборства несправедливого укладу жизни, кто органически не может выносить крестности и мракосбытия... эти люди должны быть неучастниками в физическом страдании и муках. Такого человек уже испытал счастья... Он достиг апогея своей судьбы: он боролся, он не был сломлен, он отдал все, что мог, ради своего убеждения!

И что еще может быть прекраснее и возвышеннее такой судьбы? — «Господи, помилуй!.. Господи, помилуй!.. Гос-по-ди, по-ми-и-луй-й!» — отбили три четверти часа не колокольно.

Он встал, снова зашел по камере на угла у окна. Десять шагов к двери, десять шагов обратно... Да, да, борьба — это высшее проявление смысла жизни. Но только им в непосредственном противоборстве, в прямом столкновении внешних сил могут выражаться и исчерпываться все формы борьбы!.. А исследование — это лишь средство, это средство, это средство, или с полным знанием, с упорным сопротивлением живой и мертвой природы человеку, проникающему в ее тайны!

Исследования, наука — это тоже борьба, это тоже противоборство с косностью устоявшихся знаний, с их неизменно уступаея свое место знающей и пренебрежной системы взглядов.

Он остановился... А он сам, Александр Ульянов, сумел ли он внести что-либо новое в ту или иную область человеческих взглядов, сумел ли выдвинуть до него... Он только начал свой путь исследования... Работа по зоологической модели — единственный и робкий шаг в науку. Даже полшага.

Но разве можно спокойно заниматься наукой в современной России? Разве можно посвящать себя исследованиям, когда совому не дает тебе покоя и все время звучит стон? Или можно заниматься какими-либо делами, когда общественным укладом стало явное зло, когда это зло приняло форму государственного устройства и постоянно искореняет все проявления передовой мысли, изменяя устроения еще недавно активных кругов общества, переносит их внимание с гражданских проблем на авторитарные... бездумными, на мелочный?

И потом, имеет ли вообще интеллигентный, образованный человек право заниматься отвлеченными исследованиями и наукой в то время, когда народ испытывает невыездные бедствия и необходимо в первую очередь прямо и действительно служить именно его интересам!

«Колокола на быше зашпилила, готовясь отменить завершение минутной стрелкой полного оборота на циферблате... «Коль слышишь нас г-подь в О-но-е», — заиграли колокола так фальшиво, что Саша даже усмехнулся. Это действительно было смешно слышать, как и теперь, как издавали звук, дельтавшие курьеры — единственные на окрестных пыльных пожарах...»

«А на самом деле... подумал Саша... почему они так фальшивят? Наверное, зимой от резкой смены температуры колокола теряют свой настрой, а весной их перестроит, конечно, некому. Да и незачем. Не о заключенных же в крепости беспокоиться! А карульные, наверное, уже приключенные — их все равно, их это не раздражает в такой степени, как узников...»

Колокола окочили свой раздерганный язык. Настраивое оно долго висело в воздухе. «Как это символично... подумал Саша... главные часы государства немилосердно фальшивят... Звучание их так же неприятно, как неверная вся раздвигавшаяся, как нежелательная организация, которая скрывает энергию огромного талантливого народа, с ее неуправляемыми расстояниями, якобы подчиненными централизованным идеям самодержавия, а по существу, представляющим собой разнузданную азиатскую ступню бесправия, беззакония, самоуправства, со всей хаотической полужаждущей толпой несовершенных звуков, задаваемых стонами, прижмущих воплей, со все нестерпимой, переносимой фальшивью главной идеи современной русской жизни — поголовным, робочным выключением перед несколькими интеллигентными людьми, силой случая выполняющим на вершину ступени общественной лестницы...»

Нет, жить в этой стране немыслимо. Ее нужно перевернуть, перестроить, как старей диван, вытряхнуть из нее моль всеобщего робства, пассивности к своей судьбе, безразличия к затрагиваемому... И лучше погибнуть в борьбе за преобразование этой страны, второй роины, чем безропотно подчиняться такому бременю ее свинцового бытия... «...неожиданно в умелом кабинете лаборатории в зоологическом кабинете университета. Были застеленные шкафы. Были и комбы с химическими

реактивами. Чувела зверей и земноводных, микроскопы, медицинские весы, препараты, набор инструментов... Как много он отдал бы сейчас, чтобы отвести несколько часов... чтобы, погрузившись в лабораторию, постигнуть основы достояния, элементарного опыта, познакомиться с самыми приборами и пробирками, ощутить характерный лабораторный запах, взяться руками за холодную выпуклость большой бутылки с взойтой кислотой...»

Перед ним возникло лицо Менделеева — спутанная грива волос, седая борода, желтыми подпалинами от постоянного сидения в лаборатории над реактивами, страстные, всепроникающие глаза гения, которые различают в обыкновенных предметах и явлениях то, чего не видят миллионы других людей... Дмитрий Иванович, стуча жемчужными и доске квадратами, заблуждаясь зисисом, забыв элементарные, порядковые номера, увидев все, все время разговаривая с аудиторией, обращаясь к своим любимым студентам, и особенно часто к нему, к Саше Ульянову...

«А ведь он действительно очень любил меня... подумал Саша... и очень желал, чтобы я обратился к зоологии, и надеялся, что посетит меня в лаборатории, и мне удалось бы что-нибудь сделать в науке! Конечно, не может Менделееву, но если бы даже одну десятую, одну сотую часть, то и это принесло бы огромную радость, удовлетворение, счастье. Ведь я же всю жизнь готовил себя к науке...»

Наука и революция. Наверное, невозможно заниматься наукой, не принимая участия в революции. Путь из науки в революцию закономерен. Наука дает понимание законов развития. В том числе и общественного развития. А развитие состоит из смены одних объективных форм другими. Устаревшие скрепы государственного устройства устаревают, отбрасываются, заменяются новыми, более совершенными. И люди науки — те, кто познал необходимость этой смены больше, чем кто-либо другой... должны принимать участие в ускорении этих процессов. На людях науки лежит прямая ответственность за организацию и исполнение этих работ, так как они достоверно и научно объективно знают, что не сводить это знание до сведения тех, кто не получил образования, не принимать низкого личного участия в практическом осуществлении этих процессов.

В революцию многие пришли из науки. Желябов, Герман Лопатин, Ипполит Мышкин... Явные таланты гениальности проявлял Кибальчик. По рассказам знавших его людей, он мог пройти со студенческой скамьи, вынуть в первую десятку мировых гениев... Лопатин, один из замечательных и талантливых ученых, целиком подчинив свои способности непосредственному интересу революционного движения.

Революция должна стать наукой. Все стороны революции — это цели, задачи, ее тактика и стратегия, программа революционной партии, устав став да членов, контакты с другими прогрессивными организациями общества... И все это должно быть разработано на научной основе.

Только тогда, когда общественное движение будет выражать научные закономерности развития человеческой жизни... только тогда это движение добьется успеха, потому что может преодолеть сопротивление царя, сможет отбросить тюрьмы и каторгу тысяч революционеров, можно бескровно и рассеять революционную партию, убить на зашарках и виселицах ее организаторов, но нельзя остановить движение человеческой мысли, нельзя отбросить познания человеком законов жизни и общества, нельзя убить идею, которая говорит, что главный закон этой жизни состоит в том, что жизнь общества с неизбежной обязательностью должна непрерывно изменяться.

«Гос-по-ди, по-ми-и-луй-й!..»

3.

Володе стоило не на берегу Саниги. Лед уже разломало. Тяжелая черная вода вылилась, надлежала образу омуток и заводов. Местами путь ее суживался до ширины маленького ручья, крепкие же береговые льдины, выдвинув вперед острые зубья, сдавливали течение пропсылающиеся речушки, но оно, миная все повороты и выступы, все равно упорно пробиралось в другой конец цели. Березке же, едва равно стремляясь толпиться в другой воде, в другой руке, больший, чем она сама, неотумомя разрушая и подгоняя ее зимние оковы, освобождалась постепенно от стеснявших ее движения льдов и снегов.

Там, где берега уже обнажились, в воде отражались кубы с голыми трубами, покосившим на ротах, которм, может быть, даже соборился пощечь неополученную и несполученную весеннюю воду за то, что она так торопливо спешит смыть с берегов все следы и остатки зимы. Но едагодогивствен эти намерения были, пожалуй, только у самых инстинктов, нависших над холодной водой цели. Березке же, уловившие своими кончиками перья путь солнца, уже колосились, всплывали первыми своими зелеными флажками.

Володе вспомнился разговор с Наумовым.

— Ты на юридический будешь подавать? — спросил Наумов.

— Да на юридический. А ты?

— А тоже на юридический.

— Вот как! — удивился Володя. — Никогда бы не подумал...

— Почему?

— Ну, ты в общем-то рациональный человек. Тебе скорее подошла бы

какая-нибудь оная наука. Математика, например, или физика.

— А разве государственные науки имеют только эмоциональное содержание? Например, полицейское право... Наумов засмеялся.

— Я не в этих смыслах...

— Да ты и сейчас не собираешься на юридический, но, как я понимаю, эмоциональной барьершей себя вовсе не считаешь.

— Мне теперь нужна свободная профессия... — сказал Володя задумчиво.

— Свободная! — Наумов с интересом посмотрел на Ульянова. — А почему?

— Так, — неопределенно ответил Володя.

— Ну, я все же?

— Неужели не понимаешь?

— Нет, не понимаю.

— Подумай получше.

Наумов напряженно вглядывался в лицо своего собеседника.

— А-а... — долгожданно протянул он наконец и зевнул головой. — Понял. Ты боишься, что на государственной службе тебе не будет хола. Из-за...

— Ничего я не боюсь, — оборвал Володя. — Свободная профессия дает возможность самостоятельного выбора и рода деятельности и места деятельности.

— Значит, хочешь выйти на прижизненный...

— На кого выйдешь, еще не знаю... Можно быть присяжным, консультантом, управляющим делами — выбор богатый. Главное, получить знания, которые отвечали бы нуждам времени.

— Ты считаешь, что современная жизнь нуждается только в юридических науках?

— Современная жизнь нуждается прежде всего в правовых науках. Теперь между людьми все время будут возникать новые отношения...

— Я что-то не понимаю...

— Сейчас поймешь. Ты согласишься, что сейчас везде стало гораздо больше сделок, больше стали продавать и покупать товары, хлеб, землю?

— Ну, согласишься. А какое это имеет отношение к юридическому факультету?

— Самое прямое. Теперь все нуждается в услугах людей, которые могут разъяснить тебе твои возможности и права в новых отношениях с другими людьми. Например, помочь выгодно купить землю, на хороших процентах арендовать землю. Или с большим перепадом продать зерно...

— Странно ты рассуждаешь...

— Теперь все так рассуждают... Ты пойми, что сейчас в десятки и сотни тысяч раз увеличилось число людей, у которых появились свои собственные, независимые от государства интересы и дела. Эти люди нуждаются в квалифицированной консультации, в деловой помощи в области правовых отношений. И поэтому спрос на правовые науки будет сейчас, как никогда, высок. А это верный способ обеспечить себя заработком, ориентироваться не на государство, а на частных лиц, и в своем материальном положении не зависеть ни от государства, ни от службы, ни от чьих характеристик, ни от капризов политической бурж...

— А ты стал тревожным человеком... Нет, у меня совсем другие причины поступать на юридический.

— Какие же?

Наумов синхронизованно посмотрел на Володю.

— Это не материалистические соображения на юридический идешь, а я хочу изучить науку об управлении государством. Не строю, есть честолюбивые планы...

Володя быстро взглянул на Наумова.

— В самом деле?

— Ты знаешь, — авторительно придвинулся Наумов, — столько дураков управляют государством, что просто дышу давящих, как у нас до сих пор снова не наступило какое-нибудь татаро-монгольское иго. Взять хотя бы нашу губернию. Ты посмотри, какими интересами живут высшие начальствующие лица? Карьеры, взятки, пьянство, воровство. Среди таких министров человек даже средней способностей может легко сделать карьеру. Ты прав: в России сейчас так переперулся, так перепутался, что люди готовы платить деньги только за то, чтобы им хоть кто-нибудь правильно объяснял, что на белом-то свете происходит...

— Я и говорю об этом.

— А материальное положение свое я надеюсь не только заработками устроить...

— А как же?

— Надо выгодно жениться. Найти дворянскую хозяйку какого-нибудь дворянского гнезда или на худой конец обителью для миллионщицы-скоробогатой...

— А ты, Наумов, тоже стал тревожным человеком.

— Ты же сам говоришь, что теперь везде такая жизнь.

— Я не это имел в виду.

— А я это. Для чего мы зубрили восемь лет все это гимназическую науку? Сейчас надо эконоимические науки изучать — эреля такое. Но не для того изучать! Для себя, для своего дела...

— А кем бы ты хотел стать?

Наумов подумал, сказал нерешительно:

— Еще не знаю... — И добавил полуглухо-полусерьезно: — Но мечтаю на губернаторство не соглашусь. В крайнем случае дослужусь до вице в какой-нибудь Тымтараканки.

Володя усмехнулся.

— Хахстаешь?

— Ну, почему же?.. Ты посмотри, у нас-то какой губернатор...

Наумов замолчал, но ненадолго.

— А ты, Ульянов? Чего ты собираешься добиться? Управлять именем? Или быть ходатая по делам купца Разуваева? Не очень-то свободна будет такая профессия или должность от прихотей ее хозяев.

— Ты меня неправильно понял. Володя смотрел на Наумова твердо и прямо. — Об услугах частных лиц я говорю не в том смысле, что сам собираюсь эти услуги оказывать, а чтобы показать распространение спроса на правовые науки.

— Ну, хорошо, управляющим именем ты не хочешь... А кем же ты будешь!

— Еще не знаю... У нас большая семья. Пенсия за папу невелика. Нужно помогать маме. Придется, наверное, начать это делать как можно раньше.

— Ульянов, у меня к тебе один вопрос... Ты прости, конечно, за неадекватность... Но ты понимаешь, о чем я хочу спросить!

— Понимаю.

— Ты не считаешь, что это будет мешать тебе в жизни?

— Я бы предпочел на эту тему не разговаривать.

— Но почему?

— Ты же умный человек, Наумов...

— Я ведь считался коммунистом.

— Что ты хочешь спросить? — Володя прищурился, взгляд его стал пристальным, глубоким. — Ну, спрашивай.

— В гимназии и в городе все говорят, что... ты тоже собираешься... как и твой брат...

— Нет, не собираюсь! — резко ответил Володя. — Не собираюсь и не собираюсь собираться! Ты удовлетворен?

— Я знаю, что это будет неприятно тебе...

— Мне это совершенно, абсолютно безразлично! — вспыхнул Володя. — Разве ты не видишь! Разве ты не чувствуешь, что я холоден, как лед?

— Володя, успокойся...

— Этот город с его обязательским любопытством не заслуживает никаких твоих чувств, кроме презрения!

— Володя, не надо...

— Мой брат был слишком честен, слишком благороден, слишком чист для этой жизни! Он хотел изменить ее с помощью героического поступка, одним усилием, благородным примером!.. Нет, эти люди, как и этот город, нужно вывернуть наизусть и долгие годы вытирать из них всю пошлость, все лицемерие, все трусость и предательство! А тем, кто истинно не интересуется, кем я буду, можешь передать: управляющим именем! Ходатаем по частным делам купца Разуваева! Прощай!

4.

Когда он вернулся домой, было уже поздно. Внизу никого не было. Из своей комнаты выглянула жена Варвара Григорьевна и тут же спряталась. Лишь у князя было запертое окно.

Володя постучал к ней, открыл дверь.

— Где Оля? — спросил он.

— Ушла... почему-то испуганным голосом ответила Варвара Григорьевна.

— Милая Манюша!

— Нет, Улома!

Володя прикрыл дверь, вошел в столовую. На столе около лампы лежало письмо.

5.

Холодными пальцами взял он письмо, придвинул лампу. Письмо было из Петербурга. Первая же фраза бросилась в глаза, пресекая дальнейшее остывание сердца: «Сашу приговорили к смерти через повешение».

...Дверь камеры с треском распахнулась.

— Одевайтесь! На выход! — слышен в коридоре голос надзирателя. Переходы, лестницы, повороты. Четыре солдата с прижимутыми штыками по бокам, два утюга с саблями наголо спереди и сзади... Около внутренних ворот утюги, вложив сабли в ножи, подымают шумного, мальчишеского вида арестанта под руки и волочут, не разбирая дороги, через двор к решетчатой тюремной казарме.

Глухие слова команды, удар кнута, скрип наружных ворот, резкое цоканье лошадиных подков по булыжной мостовой... Утюги тяжело нависли над головой.

...Нельзя ли свободнее немног? — просят Саша.

Молчание. Стук колес. Далекий крик часового на крепостной стене: «Слушай-и!».

Карета останавливается, не прехая и десяти минут. Влажный запах воды ударяет в ноздри. Пристань. Темный силуэт небольшого пароходика с решетчатыми иллюминаторами.

...Его вывели во двор Шенсавбургской крепости в пятом часу утра, когда первые разомытые робкого лепельного рассвета уже теплыми на его неровной линии крепостной стены. Солнца еще не было видно, но его далекий восход ощущался даже здесь, на дне холодного каменного мешка, образованного низкими, мрачными зданиями.

Саша поднял голову. Светляко с каждым мгновением все сильнее и сильнее. Между квадратными трубами тюремного каземата плывут быстрые утренние облака, и некоторые из них, самые высокие и светлые, уже появились первый облик востока и, гонимые ветром, уносили из поля зрения это прекрасное и быстротечное видение неба нового дня.

Глядя на облака и на сине просветы неба, пожимая на ранние проталины в весенней реке, Саша вдруг понял и с ослепительной и разрывающей сердце ясностью ощутил, что этот рассвет — последний в его жизни.

Что-то оборвалось и упало в грудь, мягко подломившись ноги, но он тут же нагнулся и, не обращая больше внимания на соляной привкус во рту и морозное похаливание в пальцах рук, а следя только за светлеющей облаками на сиреневом глазу от ромбующихся за горизонтом нового дня, быстро пошел через двор до выложенной крупными панелями камнями дорожке туда, откуда доносился свежий смолотый запах недавно отесанных и обструганных досок швахот...

История олимпийских игр — это история олимпийского движения. И в этом смысле олимпийские игры — это история олимпийского движения. И в этом смысле олимпийские игры — это история олимпийского движения.

ворот, двадцатый век сушит человеческую душу своей рациональностью и технократией. Так ли уж он объединяет эмоциями? Судите сами. Древнегреческие олимпийские игры отличались друг от друга порядковыми числами, как паспорта. Скудные цифры, подобно векам, делили древнюю историю на олимпиады. Игры современности хотя официально тоже нумеруются, но обычно живут в сознании людей под названиями городов-хозяев:

Римская олимпиада, Токийская... Мексико, Токио. Они эти олимпиады как вывески карточки целых эпох мирового спорта. Они приносят особый аромат прекрасных городов, национального колорита в почти стандартную программу игр. Для советского спорта, сила которого известна всему миру, эти города — свидетели трудных, а потому и еще более дорогих нам побед. Каждый раз, поднимаясь на олимпийский пьедестал почта, наши спортсмены где-то в глубине души сожалели, что происходит это не на родной земле. Всевильное телевидение хотя и позволяет зрителям увидеть чемпиона и в борьбе и в минуту триумфа, но те, кому довелось быть на Олимпийских играх, знают, что сообщить результаты состязания, имена победителей, даже поздравить перенити борьбы — еще не значит передать атмосферу грандиозных фестивалей спорта. Атмосфера их подобна нектару дорогого и благородного напитка. Нет возможности каждой раз всунуть этот родной нектар другой стране — справедливый закон олимпийской хартии. Но право на проведение игр страна-организатор завоевывает не только обещанием устроить состязания в соответствии с уровнем развития мирового спорта. Это право утверждается вкладом нации в развитие мирового спортивного движения.

Я был на большинстве послевоенных олимпийских игр. И не раз слышал: «Когда же мы соберемся в нашей Москве? Этого желали известные зарубежные атлеты, такие, как австрайец Рон Кларк, американец Роберт Конноли, англичанин Том Симпсон... Об этом долгие годы мечтали и советские спортсмены. Правда, они не только мечтали, они упорно готовились к выполнению сложной миссии устроителей Олимпиады».

Вспомним, что страна, спасая мир от коричневой чумы фашизма, страна, понесшая во второй мировой войне самые тяжкие материальные и человеческие потери, уже своим олимпийским дебитом в Хель-

синки сделала заявку на игры в Москве. Шла война, шли олимпиады. Советский народ не только восстанавливал страну — он давал миру яркие примеры интернационализма, дружбы, благородства, мужества, спортивного мастерства, принесших советскому спорту неоспоримый авторитет.

Приглашение Москвой пожелать в гости было с восторгом принято абсолютным большинством спортсменов. Многие члены МОК, судя по их заявлениям в печати, также выразили удовлетворение. Несомненно, для города, сделавшего заявку, всегда волнительно ощи-

дание. Даже когда он может принести все свои доходы в пользу своего предложения.

Москва... Никто не оставался равнодушным к ее красоте, Москва считается самой красивой и благоустроенной среди крупнейших столиц мира. В кругах спортивных специалистов давно не секрет, что Москва располагает едва ли не уникальными условиями — географическими, климатическими, культурными, техническими — для комплексного проведения спортивных состязаний по самой широкой программе. Жаль только, что Московское море тесновато для больших регат. Но ведь и на прежних играх ларусики находили приют в ближайших к олимпийской столице портах и курортах. Во времена Римской олимпиады — в Неаполе, Токийской — в Эносима, Мексиканской — в Акапулько... Но нигде условия не позволяли организовать широкую, зрелищную аудиторию. Альтернатива же Тагильской бухты, известная многим первоклассным яхтсменам мира, страстный интерес эстонцев к парусному спорту позволяет сделать то, что никогда не удавалось прежде: у яхтсменов зрителей окажется не меньше, чем у футболистов.

В советской столице не только проводились крупнейшие международные состязания, такие, как чемпионаты мира по гимнастике, стрельбе, фехтованию, волейболу, современному пятиборью, она принимала финалы Spartakiad нарядом СССР — состязаний едва ли менее грандиозных по масштабу, чем олимпийские игры. Можно назвать еще десятки преимуществ Москвы, но есть одно исключительное. Уже более полвека она является как бы международным символом борьбы за чистоту спорта. Когда в мире растет тревога, что цивилизация XX века, направившая мощь человеческого разума и атомного ядра на службу интересам общества, так мало думает о самом человеке, Москва дает мудрый пример заботливого отношения к физическому идеалу человека

СВЯЗА ПРИ

ОЛИМП

атомно-космической эры. Москва оповестил мир, что великий локут гармоничного развития человечества стал законом нашей жизни.

Заглянем в Москву. Но уже августовскими днями 1976 года. В яркой национальный наряд оделся город. Привычные цветные холмы — символы советских конструкторов — как нельзя лучше вписались в неповторимый облик древней и вечно молодой Москвы. Все флаги прибыли в гости... Сама же столица как бы раздвинулась на четыре олимпийских адра. Привычная Большая арена Лужников только вчера переживала грандиозный праздник перемокши от радости и готовности к важному событию вечера, когда на световом табло вспыхнул слова: «До свидания, Москва». Лужники, такие знакомые и такие дорогие сердцу каждого москвича, принадлежат по душе олимпийцам 1976 года: легкоатлетам, футболистам, конникам, гимнастам, пятиборцам...

Второй олимпийский центр: Сокольники — Измайлово. Рядует здесь новая кожаная дорожка, огороженный в распоряжение боксеров. Девять высотных красивцев домов, слитых воедино со спортивным комплексом Центрального института физкультуры, образуют самую уютную, самую зеленую, самую благоустроенную в истории олимпийскую деревню.

Ленинградский проспект и прилегающие районы — это одно сердце олимпийской Москвы. И, наконец, совершенно неизвестный читателям семидесятого года новый спортивный комплекс в Натальино. Со стадионам на 30 тысяч человек, с двумя прекрасными универсальными залами, велотреком, бассейном, на трибунах которого уместится 15 тысяч зрителей.

Иностранцам, задававшимся в начале семидесятого году вопрос, сможет ли Москва построить все необходимое для успешного проведения миз, сегодня покажутся изумительными и смелыми былые сомнения. Нам же, хорошо знающим строительную мощь родной Москвы, этот вопрос казался лишним и в году семидесятом.

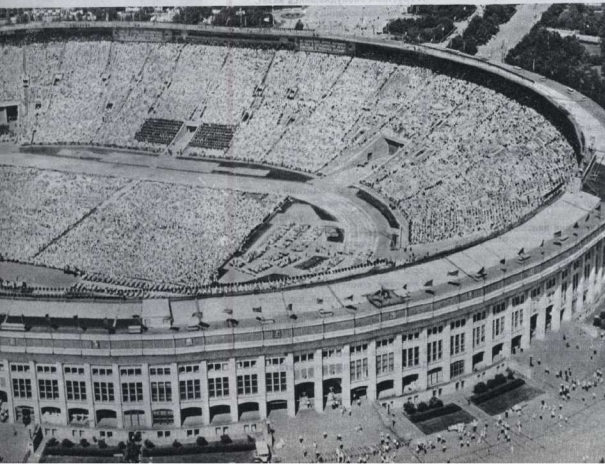
Испокои веков славился Русь своим гостеприимством, добротой, радушием и щедростью. Познана русское хлебосольство довелось сотням и сотням тысяч гостей нашей столицы, сваванной транспортными магистральями практически со всеми уголками планеты. Олимпийское гостеприимство столиц Страны Советов войдет в историю: спортсмены и гости будут чувствовать себя в древней белокаменной Москве, как в доме хороших друзей. Московская атмосфера позволит атлетам показать все, чем богата человеческая природа, а болельщики сделают равными шансы участников, откуда бы они ни прибыли. Вспомните, этого не было в Мехико. Спортивная борьба в мексиканской столице носила такой трагический характер, что, пожалуй, люди более необходимых командам, чем тренеры. Конечно, воспоминания не мешают прошлого, но они помогают лучше видеть будущее.

А московский зритель? По всеобщему признанию, он самый грамотный и самый объективный, и он поможет сделать Московскую олимпиаду исторической... Если, естественно, майский конгресс МОКа примет единственно верное и справедливое решение — доверить Москву судьбу XXI Олимпийских игр.

ЛАЗДАЕТ

ИДЕВ

Час медосбора...
С димом врозь рой
Промчался, смых над лесом
прошивал.

Он словно время просверлил,
И над дырой
Курится дым и стружка теплится
живая.

О запахе меда!
Желтой меди звон,
Янтарю ковкой и почти прозрачной!
Мед надо всем —

Над озимью невзрачной,
Над оврагам, бредущим в загол,
Над городами,
Над куском руды,
Лексация на тропе геологини,
Над мальчиком, пылающим в вогне,
Над кусором последних мнинок,
Как жезл волшебный
И как пик богини,
Что лепит из разрозненных куско
Покрой
Руками осени благими.

Баллада о тающем снеге

Балладу о тающем снеге
Ставио с другим в ряд.
Телеги,

телеги,
По весенней телеги тремат.
И все они имю, имю,
И все они не по пути.
И мужчина сказал:
— Видимо,
Придется пешком идти.
Ну что ж, и это на пользу,—
Трехнух вешевым мешком.

Двадцать километров по лесу
Двое идут пешком.
Лицо у женщины важное —
Вызвался, так веди!
А губы такие влажные,
Что сердце стынет в груди.
Милые женских капризов
Ничего не найди.
Странное женских капризов
Нет ничего в пути.
Мокрым тающим снегом
Лес пропал весь.
И женщина сказала со снегом:
— А мы заноуем здесь!
А мы разобьем палатку,
Сделайте для меня!

Спит она сладко-сладко.
Мужчина сидит у огня.
Песня ивродового гула
Над сонной тайгой плыла...
В восемь она уснула,
А в десять
Стея пришла.
Люди слонили поверье,
В тайге дождя до седни:
Бойся с весенним зярем
Выйти один на один,—
Бесчисленны в дубраж могили
Без ниспей и креста.
...Семнадцатъ,
Острых, как ялы,
Семнадцатъ

Серых хребтов...
Долго бежали по следу,
По первому зову весны,
Голодную, смертною мукой
Волчий глаза полны.
На збу ледяные патна,
И твельно дышать,
И только одно понято —
Надо бежать.
Но разве ее оставши
На растерзанье одну!
Но разве ее заставши
Сонную влезть на сосну!
В палаты некогда рьтсья,
Палка и нож в руке,
И проснулся высокой рыцарь
В старом холостяге,
И дрался он, как влюбленный,
Огнем сокрушая врага.
И падал шерстью паленой
На тысячу верст тайга.

Дрогнула темень густая.
Утро
И тишина...
В четыре ушла стая,
А в восемь проснулась она.
И прежней сделалась сразу,
Дошедшая такая со сна.
— Господи, какой вы
чумазый! —
Только и сказала она.

И пошли они дальше, отважные,
По молодой весне.
И были губы у женщины
влажные,
Как влажен тающий снег...

Так пусть же канет в веселом
смехе
На самой дальней версте
Баллада о тающем снеге,
О мужестве
И чистоте.

Поэт

Я — это вовсе и не я.
Я — это чтобы проще говорилось.
Я — это все:
Дорога и трава,
Троллейбус и старушка на перроне,
И грустный заблудившийся казах,
И маленькая модница в перлоне
С бедными слезами в глазах.
Бредущий переулками в ночь,
Чуть сдерживая кашель застарелый,
Я — тот сосед, что жить меня учил,
Тот доктор, что жегу мою лечил,
Онкастый, молодой и загорелый.
Я — это вовсе и не я.
Я — это все мои друзья,
Живущие в Москве и на Востоке,
Из горести, надежды и восторги,
Все то, что в кинжале вычлалось им,
Что думалось и выдилось на свете,
Их существо и тот защитный грим,
Который мы вовсем не стираем,
С которым мы живем и умираем.
Я — это вовсе и не я.
Я — это государство и семья,
Село и город,
Горы и поляны,
И человек, с которым мы полярны,
Суровый логик, острый, как игла,
Что, облик человеческий терзая,
Всю жизнь стремился истину найти
На самой грани истини и света.
Я — это все возможные пути,
Доступные сегодня для поэта.

Фото Мирослава МУРАЗОВА [СССР]
ПЕРЕКУР

АНТОЛОГИЯ БРАТЬЕВ АЛУМЯЭ

рнзжать в Таллин всегда приятно. И осенью, когда идут дожди и намокшие черепичные крыши санцово поблескивают под тусклым вечерним небом. И зимой, когда по утрам затеиваются туманы, а на заснеженных улицах вдруг пахнут на тебя дымом и высушенными дровами. И даже полной сюрпризов весной: с моря неожиданно налетает муть, по узким улицам бродят, покачиваясь, смельчаки и скрипят над домами и поют свою песню бесчисленные таллинские флюгеры.

Просто Таллин есть Таллин.

И все-таки в этот раз я особенно был рад встрече с городом. Может быть, потому что меня ждала встреча друга: с тремя интересными и очень уважаемыми людьми, которые в Таллине выросли и сейчас работают. О них мне предстояло писать, а в городе я видел сообщника, что поможет разгадать мне стрит их души.

Минута за минутой бескористно город дарит людям то скрытое в архитектуре и укладе жизни, что, по мнению ученых, влияет на психику не меньше, чем раздольные степи, древние леса, убегающие к горизонту и всегда определенное в своей беспредельности море.

Возможно, поэтому еще в самолете я не мог не отметить ровной, выжливой атмосферы в салоне: молодой чтец, которая беспрерывно смотрела в окно на айсберги облаков, и он читал ей стихи, а она была тиха и задумчива; пожилой эстонки с хорошо уложенными серебряными волосами и в очках тяжелой черной оправы, которая много курила, рассеянно просматривала газеты и често глядела на часы. И, конечно, я не мог не заметить, что в такси, везшем меня в город, как бы символизировав внимание к человеку, приоткрылись окошко ветрового стекла две смежные березовые ветки.

Ведь все это было частью моих героев, как они сами были частью этого своеобразного и удивительно самостоятельного города.

Конечно, я понимала всю условность этого допущения: всегда трудно найти те самые непосредственные связи. И все же, идя на Вышгород, где в президиуме Академии наук ЭССР мне предстояло увидеть сразу всех трех братьев Алумяэ, я как-то особенно четко представляла себе ту часть их жизни, которая мне была известна. Семью таллинских педагогов, где в просторной и светлой квартире счастливого росли три здоровых, крепких мальчика, постыго горе: отец-коммунист в 1922-м Буржуазная республика осудила на пожизненное заключение.

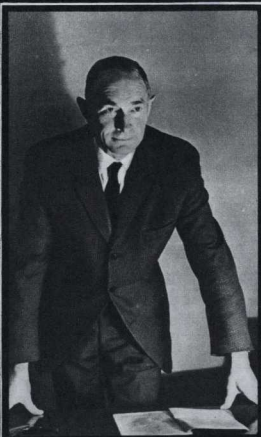
Благодаря мужеству и силе матери семья не замкнулась в горе. Мальчики продолжали ходить в школу, учиться музыке и, несмотря ни на что, выезжать летом на остров Саарема.

Мне было ясно, почему, уже достигнув высокого общественного положения, братья остались перед матерью все теми же мальчиками. Старший, Николай Александрович — вице-президент АН ЭССР, директор Института кибернетики (недавно он оставил этот пост своему ученику), депутат Верховного Совета ЭССР. Средний, Владимир Александрович — ректор Таллинской консерватории. Младший, Лев Александрович — главный инженер научно-исследовательского института.

Дети, по-моему, никогда не забывают подвиги родителей. Особенно такие дети, как братья Алумяэ.

Когда мать серьезно заболела, братья приходили каждый день. Тихо садясь около железной кровати с высокими жесткими подушками, они приносили не только слова внимания, но и свои мысли, радости и огорчения. Старая, болная женщина до конца дней своих оставалась для этих высоких и сильных людей старшим товарищем и бесконечно любимым человеком.

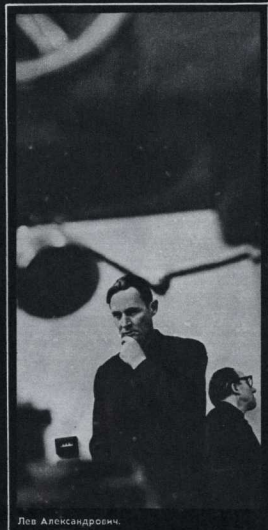
И все же, открыв дверь кабинета вице-президента Н. А. Алумяэ и увидев всех братьев вместе, я вдруг ощутил вняное несоответствие города и моих героев. Нет, все трое были одеты очень строго, но на какое-то мгновение их лица показались мне значительно проще и естественнее, чем окружение, которым я шел к ним. В них не было изысканной традиционности — этого воскового налета времени. Зато были мужество, теплота и определенность.

Николай Александрович.

Владимир Александрович.

Лев Александрович.

С БРАТЬЯМИ АЛУМЯЭ, ИЗВЕСТНЫМИ ЭСТОНСКИМИ УЧЕНЫМИ И ОБЩЕСТВЕННЫМИ ДЕЯТЕЛЯМИ, БЕСЕДУЕТ СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ «СМЕНЫ» ВЛАДИСЛАВ КОВАЛЕВ

ГЛАВНЫЙ ХРАНИТЕЛЬ

я не мог сформулировать, в чем, но потом это пришло само собой: «важность ума, трезвость взгляда. Да, очень хорошая по отношению к жизни трезвость».

В первую очередь она проявляется, конечно, в отношении к делу.

— В газетах часто пишут о руководителях: «вникает в каждую мелочь» и так далее. — Лев Александрович на мгновение замолчал и потом, вздыхая, закончил фразу: — Для меня все это непонятные слова. По-моему, главный менеджер должен решать вопросы только в принципе и не мешать тем, кто должен заниматься «мелочами».

Как-то мы разговорились с Владимиром Александровичем о проблемах воспитания.

— Главная моя обязанность как ректора, — сказал он, — обеспечить нормальные развитие молодого дарования. Но как это сделать, если интеллект очень мало, а в концерты приглашают только знаменитостей? Вы уверены? Не подумайте: развивается ли спортсмен, который не участвует в соревнованиях? Наверное, не очень. Так и в искусстве. Артист, который выходит на сцену три раза в год, девальфицируется.

Профессор Алумэз одержим идеей создания молодежной музыкальной организации, которая обеспечила бы нормальные условия для начинающего исполнителя: конкурсы, концерты, материальную поддержку. В Эстонии уже разрабатывается устав такой организации. В этом деле принимают участие музыканты, юристы, общественные деятели.

Но больше всех меня опять поразил старший брат. Как-то он проводил среди молодежи своего института анкету, которая затрагивала все сферы жизни молодого исследователя: от теоретически (сколько часов в день вы занимаетесь наукой) до бытовых (сколько у вас детей, какой заработок, жилищные условия). Так вот, при обработке результатов обнаружилось, что в институте — около 20 процентов незамужних женщин в возрасте 30 лет.

— Я постоянно об этом думаю, — говорил с тревосой Николай Александрович. — И не только как человек, но и как директор. Женщина должна быть прежде всего женщиной: иметь семью, детей. Тогда у нее более полный интерес к жизни, а следовательно, и к работе.

Потом я подумал: не только трезвость — мало ли на свете трезвых людей. Братья схожи еще и в другом: они очень живые, даже немного романтические люди. Я поймал себя на этой мысли, когда проходил мимо маленького средневекового дворика с глухими, полублудившимися стенами, из которого валут плавный дым и вылетел, расславшись в воздухе и превратившись в маленький вихрь, снежок. Его кинул мальчишка, который был очень рад, что сегодня все не так, как должно было бы быть, и озорно рассмеялся при этом, приветствуя эту маленькую революцию в природе, незначительный зигзаг в нашем запрограммированном бытии. И я подумал: несмотря на деловитость, присущую братьям, им не жудно, казалось бы, бесполезное желание понять, почувствовать вот это мгновение жизни.

Я шел по Вышгороду и думал о братьях Алумэз. Я знал: они в борьбе одержимые, даже фанатичные люди. Но я знал и другое: они смотрят на мир открытыми глазами. Их борьба опирается на широкую информацию, и не только чисто профессиональную или ограниченную рамками национальной культуры, но всю общечеловеческую в нашей трудовой и строительной жизни.

Думаю, что именно эта глубокая вера в силу информации, являющейся уже сегодня незримым спелком будущего прогресса, делает Николая Александровича таким активным пропагандистом, командиром. Особенно для молодых. В их пользу он часто отказывается от собственных как по Союзу, так и за границу.

Для них это сейчас важнее, — говорит старший Алумэз.

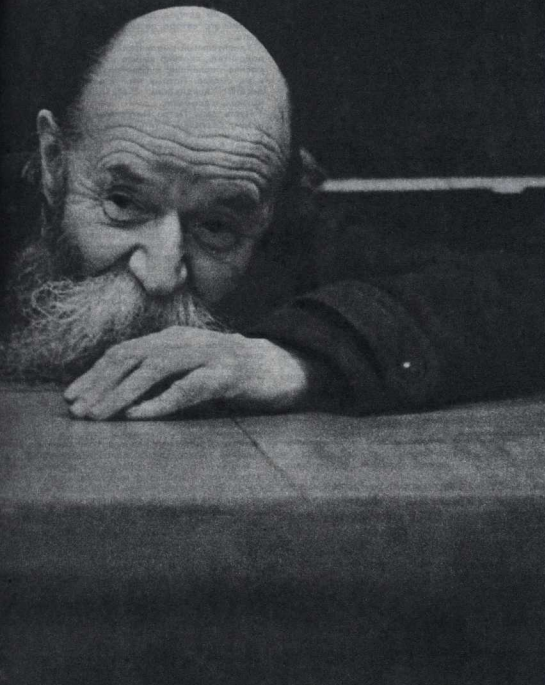
Наверное, только глубокое знание проблемы делало Владимира Александровича таким решительным и последовательным в осуществлении плана по обновлению консерватории. Он знал: если не будет у консерватории новой материальной базы, то останется 40 процентов студентов, страдающих хроническими болезнями (от перегрузки и неустойчивости обучения), и в то же время не будет никакой возможности внедрить новую систему преподавания, нужную сейчас как воздух.

Вот и все. Остается только выполнить просьбу братьев Алумэз и сказать, что в Эстонии, а тем более во всей нашей стране очень много таких людей.

Много. Но Алумэз все-таки один.

Галина РЕЖАБЕК,
Вадим ОПАЛИН (фото)

Профессор так и сказал: «Перерасти его невозможно, а потом с научной пунктуальностью и дотошностью взял и перечислил все свои звания и труды по териологии, ориентологии, систематике, зоогеографии, экологии — длинный и почтенный получился список. Перечислил и повторил: «А до Него мне не дотянуться». И назвал разделы биологии, в которых Он его, профессора, сильнее. И виднейшие биологи, зоологи, генетики дружно завивали головами, всея своим видом показывая, что профессор говорит правду и только правду. И если бы кто-то посчитал все эти прекрасные слова и эти уважительные кивки юбилейной формальностью и сказал им об этом, его бы выставили с вечера. Потому что на семидесятилетие юбилея Главного хранителя Дарвиновского музея Петра Петровича Смолина в зале сидело очень много учеников Петра Петровича, которые преклонение перед знавшим учителя считают элементарной справедливостью. И любые звания и регалии ничего не меняют в такой раскладке отношений.

Мы сидим с Петром Петровичем у него дома. Я напросилась к нему в гости, и он, дорожащий своим дошедшим временем, которого у него не остается почти совсем, нашел этот час. Сейчас между нами ничего не признающие стрелки. И хоть мне не полагается отвлекаться, я думаю о том, что в этот момент уже едут со всех концов Москвы в Дарвиновское музейное ребята. А потом, когда он будет водить их по музею, со всех сторон Москвы другие ребята будут ехать уже к Зоологическому музею, куда он примчится сразу после первой экскурсии. И так каждый день уже много лет, забываются только об одном — о проблеме детей и природы, их взаимоотношениях, которые здесь, в городе, так подчас нелепо складываются.

— Да, да, именно нелепо, — говорит Петр Петрович. — Обидно за ребят, которые в живом не видят живого.

А я думаю, что, хотя и знаю, сколько лет Смолину, он удивительно не соответствует своему возрасту. И кажется, что он нарочито носит и седую бороду и лысоватость, чтобы, разговаривая с ним, собеседник мучился этим несоответствием многих сделавших в жизни старых рук и совсем молодого голоса.

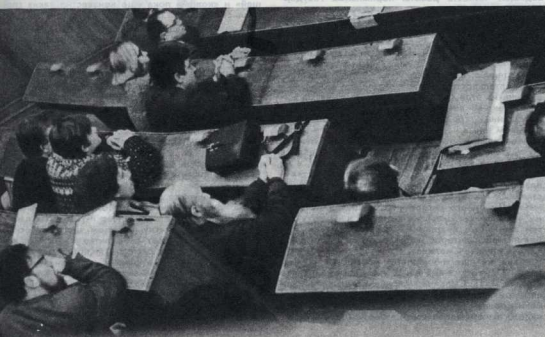
— Вы знаете, — продолжает он, — что даже кошка для ребят не живая душа. Я уже не говорю о насекомых. Тут уж с детства воплощается мысль только об их вредности. А правильно ли это?

Я слушаю Петра Петровича и мучительно стараюсь вспомнить своего учителя биолога.

...Ученик зоологич, толстую серую книжку для шестого класса, я купила у Таськи Набоки с улицы Пролетарской за сто двадцать еще довоенных рублей. Это была хорошая, правильная цена, она соответствовала количеству страниц и количеству обложки, тоненькая алгебра стоила семьдесят пять. Я вспомнила этот бойкий предшкольный торг первого послевоенного лета, потому что долго думала: кто же преподавал у нас ботанику и зоологию?

Выяснилось, что я помню кучу всякой чепухи, а вот злосчастную ботанику (наверное, это все-таки была «она», из мужчин у нас в школе был один вонючка) не помню. Через двадцать с лишним лет поди разберись, а чем тут дело — в Москве ли недобросовестности или в серых, не оставивших памяти уроках. Только вот теперь, после знакомства с Петром Петровичем, пришло убеждение, как может быть невозможным незапомнившимся уроком в шестом классе — урок по биологии.

- У Петра Петровича редкий дар убеждения.
- Может быть, так и рождаются ученые?
- Учитель, который всегда учится.

Увлекался, острый интерес сопровождает каждую заметку кружка П. П. Смилова.

Потом может быть все: и высшее образование и глубокая специализация, а вот уроки зоологии больше не будет, и так на всю жизнь. Габриэлю останется для тебя котенок ворона, сорочка—это та, которая какшу вагона, деток кормила, а все лягушки будут мамба. А незнание... Что ж, оно тоже плодотворно, оно тоже пускает корни, и главное, и уме для твоих детей трамвай, нивая толла. И ты хочешь, что-то поправить, чувствуешь опасность в этом перевернутом представлении о мире — и не можешь.

Как повезло тем, кого стимулировал со Смиловым суд-ба и в общении с ним научила мудрости. И когда хорошо, что он никогда не скучил и отдавал все, что знал и умел.

Начинал он удивительно. Впрочем, удивительное было потом, а сначала была армия, куда он попал из университета в 1916 году. Самое смешное, что он, энциклопедист в области биологии, так потом и не сумел закончить университет. Его тогда призвали в армию в 1916 году, а в 1917-м комиссаров был избран председателем полкового комитета. Возвращение из армии совпало с трудным временем, и выход из него искала молодая Советская власть в тесном союзе с уже окрещенной революцией молодежью, к которой принадлежал Петр Смилов. Это он по заданию Наркомпроса занимался учетом, сохранением и использованием национализированных частей собраний и коллекций. Это он становится в первые годы Советской власти лектором, пропагандистом. Его слышали и в Наркомпросе, и в био-музее, и в Свердловском университете (в Москве), и в бывшей тогда Академии коммунистического воспитания. Это он в голодные и холодные годы баснословно о многоискусном прожорливом семействе Московского зоопарка. Это он вместе с Б. В. Веснянским проводит первый в стране, потом уже ставший традиционным «День птиц». В первые дни войны П. П. Смилов добровольцем уходит в ряды народного ополчения, а потом — в действующую армию. А в 1943 году его назначают командиром взвода и преподавателем школы. Потом — пушно-меховой институт, студенческая практика, за которую он отвечает, курс «Литературное оленеводство». Бывшая жизнь, которой вполне хватило бы для десятилетия, военных списков, но ведь, я не сказала еще самого главного.

Главным всегда были дети, наверное, с того самого момента, когда ему пришлось выступать в качестве советора Директора Советской власти об охране природы, подписанном В. И. Лениным. Еще тогда, работник Наркомпроса, он понял, как важна новая школа, как нужна рациональная народному просвещению. И он создал опытную школу при Центральном биостанции, которая ставила цель: ребят, интересующихся биологией, подготовить к практической работе и к учебе в специальном вузе, будь то Биологический институт, или Тимирязевская академия, или пушно-меховой

институт. К слову говоря, специализированные школы сегодняшнего дня, готовящие ребят к более углубленным программам математики, физики,—это не что иное, как возврат к давно испытанному смиловскому опыту.

Но было, что его больше всего, высоко оцененную и Кружковой и Ленинградским, биологией считать не стали. С преподаванием биологии в школе происходило много разных преобразований. Вдруг началось царствовать зубрежка — и куму дело до сиюминутного лабораторного, до мольбиного похода в лес, до старательной юннатской работы.

Только три года назад спохватились: как же это мы на биофак-принимали людей без биоэкзамена!

И все это на глазах человека, который пытался лет тому говорил: «Главное — увидеть в школьнике шестого, седьмого класса интерес, не упустить этот момент возраста» и развивать этот интерес в кружке, в специальной школе. У него же была такая школа.

Она у него и сейчас есть. Вот что говорит о школе Смилова профессор А. П. Кузмин: «Это не кружок того образца, какие существуют в многочисленных школах и вузах, а это школа, специализированная школа, бесплатная, частная, не имеющая своего помещения и материальной поддержки, но представляющая собой основную ступеньку биологически кадров с очень фундаментальной биологической подготовкой ее учащихся. Работает эта школа с чистотой, превосходящей чистоту работы нормальных государственных вечерних школ.

Быскоростность работы Петра Петровича всю жизнь поддерживала его жена, Мина Наркизовна. Они прожили вместе 35 лет, и в конце своей жизни, видимо, чувствуя, что рано или поздно, но работа и творчество мужа займут все время и обстоятельно, она составила подробную хронологию деятельности Смилова. Я приведу последние строки из этой биографии. Кончат Мина Наркизовна так: «В последние годы без затишья существовавших средств ведет большую работу с кружком юных натуралистов. Четыре дня в неделю вечерами занимается с различными группами, по субботам и воскресеньям совершает выходы в природу... И все так и написано — в работу, а не как, как пишут сейчас в различных ведомостях и планах — на природу. Каким, оказывается, существованием может быть предлог!

Когда у одного диссертанта зашкандящего студента школьного возраста, спросили, у каких ребят изучался интерес к биологии, он ответил: «У членов кружка Смилова».

А где же еще черпать примеры, как не здесь! Одна из самых юных участниц юннатского кружка П. П. Смилова, Марина Богданкина, девятилетняя девочка, написала летом работу «Ассистентия» в честь Баранцевой. Я читала эту работу, а видела вычерченную еще нетвердой рукой схему

иррасположения собаки, удивилась точности детско-неопределенного, но зато какого ловкого сравнения: дворняга ростом с двух кошачьих. Умная, что собака Дашка не выжила, не боролась из-за смерти не ест, а для себя решила запомнить маленького автора детско научной работы. Как звать...»

Удивительный смиловский кружок. Я пробыла подходить, сколько вышло из кружка Петра Петровича первейших в советской биологии ученых, и не смогла. Потому что только доктор наук десятка, кандидатам счету нет. Удивительный кружок.

Тусовка Петра Петровича расписан по минутам, свинудам, пусть даже 100, 200 человек слушают его в день — сколько в Москве зоологов! Воистину — если тебе повезет...

В то время, когда я вышла из кружка, однажды утром мне пришлось его подождать. Я стояла в подъезде старого московского дома и гадала, куда же мог так рано уйти Петр Петрович. Вот из квартиры напротив вышла пожилая женщина, попросила на меня, молочно, выглянула на улицу: «У! Нет уж, переждуй!» — вернулась в квартиру. А было не было. Он вошел, как левосин-говнико-Беглый, холостой, стремительный.

— В Сокольники пришлось съездить. Нужно было договориться о ночлеге ребят, которые приедут на каникулы.

Я поспрашивала потом на карту — улица Кропоткина и Сокольники. Ну, конечно, его же давно — решать эти вопросы, где жить ребята? Ему ли бегать? А получается, что больше никому, а он ведь дело не бросит, он не откажется от ребят, от походов с ними, а значит, придется, Петр Петрович, на свои плечи взять и это дело — хлопоты о том, где покорится детушка,—все. Он и принимает. И времени остается все меньше и меньше в сутках, а детей все больше, и студентов больше, и учителя идут — тоже как-то превращаются во взрослых, и все сам закладывая зерна в почву. Вот и стал подниматься урожай. И учитель счастлива. А я думаю, насколько больше мог бы сделать этот человек, если бы наше воспитание было не таким, а было бы приятным, в помощника, который освободил бы семидесятилетнего человека от лавины оргдел и оргпросов. Его же надо беречь! Для наших же детей, которым он открывал доступ к знаниям, которые разговоривает с двумя старшесклассниками, которые пришли к нему раньше, чем он привел и чуть-чуть искалились.

Вы посетили? — говорит он — Мы вас рады, давай, едем, выгода больше не придет. А вот если вы раскраситесь и придете во второй раз — вы будете нашими гостями. Никто на вас не обидится, если вы и после второго раза предпочтете художественную деятельность. Вова ваш. И только после третьего раза вы члены кружка.

Я не знаю, придут ли девочки еще раз. Очень уж заинтересовано косились они на небрежно-элегантных студентах и студентках — толкались в двери зала. Кому бы было таяться зашкандящей стирной рубашкой выдающегося педагога с кашемиром и «кожей» пока еще неизвестно каким специалистам.

А он насмешливо повторил: один раз — посетитель, а второй — полная добровольность, полная самостоятельность решения. Хлоп-хлоп дверь музея, высматривает на мороз двадцатый век весь в «мине», в сигаретном облаке, весь тень самоуверенный, зашкандящий себе cinta, а он на выдохе: «Ухода — двенадцатый век, что ли? Побойтесь бога, он куда многих современней, это человек в простенькой, тридцатых годов, рубашке».

«Каменные руды поданным перекоды. Как войдет в них так и вспомнил мрачные прогнозы фантастов о городах будущего под землей. Казалось бы, что тут сравнивать, мало ли что непредвиденно волна фантазия художников! А что там? — бесноватость, что ли? — трамвай, когда «кружка» кончается и бьет встраивает магия, держащая снег на подрагичиско-угловатых лапах. А имеющийся прописку в самом центре Москвы воробей выливается в снег, а снег в трамвай, но стоит у дороги, вот так и будет ленью стая до самого своего сиренного бала».

Как хорошо, что это все есть на свете! Как страшно этого не увидеть!

Может, потому у Петра Петровича и должность такая — хранитель!

Зимой на даче

Заколочена дача,
улетая детсад.
Словно зыбик, снега
по карнизу висят.

Развели по домам
загорелых галчат...
Кораблики во льдах
для коньков торчат.

И грибок
заменяю,
тек и впитает в снег —
от тоски унывающей
человека.

Хочутушкю-нянкую
грибок полюбил,
да, стыдись ребятишек,
признаться забыл,

от жары и дождев
прикрытая детей
неуплюемой, железно
шляпой соевой.

Он ни слова людского
сказать не умел,
только в дождик из
радости

кряшею шумел...
и уезжая изничка
в город большой,
И теперь у гриба —
никого за душой.

Молодой асшинок
за оградой притих...
Держит звачны лапки
на лапках своих.

Сто ребячьих панам
на лабере висят...
Будто, глядя на гриб,
разрывается детсад.

Баия

Играл мальчишка на баине.
Не то чтоб здорово играл.
Он, как ромашки на поляне,
за ноткой нотку подбирал.

И солнце рыноее встало
в ресницах белого цветка.
И щель дель не устала
цвести вымучивая рука.

На терциях второй октавы
стидала жаворонка трель,
потом
на папоротник ризивый
снюхался басовитый шмель, —

и снова на высокой ноте
ромашки белые цветки...
И колокольчик на отлете
вдруг выпорхнул из-под земли.

Ах, колокольчик бледнолицый!..
Он как трезвиончик без конца,
тоном ли звоном уютится
печаль счастливого отца!..

Хмельной отец, баия заслыша,
урадой слезы утирал,
И был ему тот мальчик выше
любых родительских похвал.

Он сам когда-то на тальняне
играл веселый табарон,
никто в округе на гуляние
перемарг его не мог.

Но что дзурядки, однорядки,
когда баия заговорит!..
Они — как лукавки на грядке,
в которой целый клад зарит.

Не для себя мечтал, не сдуру
денгу берет на тот момент,
когда случится сдзедать в Тулу,
купить мечтанный инструмент.

Купил. Привез. — Играл, потышил!..
Да не забудь про отчий край:
спера цыганочку — истом жри
свои симфонии играл!..

О чем, ручей, заводишь, не умолюка,
куда бежишь сквозь почерневший снег!

Я никогда не думал о весне,
что, может быть, и у меня такая...

Весна — а я ни жюлочкой одной
не встретился, не загрузчу о лете.
И дети взрослые,

мон родные дети,
как над чужим,
содрутса надо мной.

Звени, ручей вечеровой, звени!..
Пусть, как всегда, тебе вовеко
звенится.

За все мон растраченны дим
мне пред тобою незачем вынитса.

Как с мальчишом, с тобою говорю
о том о сем. И грустно замечаю,
что проважю громкою печально
еще дурю апрельскую зарю.

Звени, родной, напоминая, ручей,
детей моих дзельною весною,
когда я знаю, что навсегда со мною
ник добрый смех
и ласка их речей...

В ПОЧЕТЕ У АРМЦЕВ

Армейским любителям шахмат врезались в память строки из опубликованного несколько лет назад в шахматной печати сообщения о юбилейном Маршале Советского Союза Р. Я. Малиновского. Вот что, в частности, писал видный советский автор шахматных книг:

«...Мы, военные, высоко ценим шахматистов за то, что они дисциплинируют человека, способствуют воспитанию воли, выдержки, развивают память, быстроту сообразительности, приучают логично мыслить, словом, как говорят, являются хорошей гимнастикой ума. Это качества особенно необходимы нашему советскому воину в настоящее

время, когда военная техника невиданно шагнула вперед, когда на вооружении армии находится ракетная, электронно-вычислительная и другая сложная техника, когда успех боя будет зависеть от минуты и даже секунды».

Массовая работа по развитию шахматной культуры в Советской Армии, систематическая организация личных и командные турниры и матчи — все это способствовало росту мастерства и спортивной дисциплины армейских шахматистов. В двух последних межведомственных новоназначенных арествах СССР сборная Вооруженных Сил завоевала серебряные и даже золотые медали. В ряде армий даже выданы сейчас целую группу известных советских

шахматистов, и среди них Е. Геллер, Е. Васюкова и еще пятерых гроссмейстеров. Предлагаю вниманию читателей «Смены» финал партии Альбурт — Васюкова, ноябрь 1971 г.

тую армейский шахматист выиграл в блестящем комбинационном стиле.

Воспользовавшись тем, что тактика фигур противника разоблачена со своим норовом, Васюкова, иррашавший черными, жертвой коня вскрыл позицию непринципиальной рокировки. 24. — K: g2 25. Kp: g2 q4 26. h4 Ф: f3 + 27. Kp: f3.

Теперь король белых остается в полном одиночестве. 27. — h1 f3 28. K: e3 Ф: e3 + 29. Kp: f1 Ф: f3 + 30. Kp: g1. Легко бить в шах гроссмейстер и в варианте 30. Kp: f1 Л: e3 + 31. Kp: e2 Л: e3 + 32. Kp: f1 Ф: e3 +.

Следует элегантно мерзав своей диспозиционной победой. 30. — Ch2 + 31. Kp: h2 Ф: f2 + 32. Kp: h2 Ф: f2 + 33. Kp: h2 Ф: f2 + 34. Kp: h2 Ф: f2 + 35. Kp: h2 Ф: f2 + 36. Kp: h2 Ф: f2 + 37. Kp: h2 Ф: f2 + 38. Kp: h2 Ф: f2 + 39. Kp: h2 Ф: f2 + 40. Kp: h2 Ф: f2 + 41. Kp: h2 Ф: f2 + 42. Kp: h2 Ф: f2 + 43. Kp: h2 Ф: f2 + 44. Kp: h2 Ф: f2 + 45. Kp: h2 Ф: f2 + 46. Kp: h2 Ф: f2 + 47. Kp: h2 Ф: f2 + 48. Kp: h2 Ф: f2 + 49. Kp: h2 Ф: f2 + 50. Kp: h2 Ф: f2 + 51. Kp: h2 Ф: f2 + 52. Kp: h2 Ф: f2 + 53. Kp: h2 Ф: f2 + 54. Kp: h2 Ф: f2 + 55. Kp: h2 Ф: f2 + 56. Kp: h2 Ф: f2 + 57. Kp: h2 Ф: f2 + 58. Kp: h2 Ф: f2 + 59. Kp: h2 Ф: f2 + 60. Kp: h2 Ф: f2 + 61. Kp: h2 Ф: f2 + 62. Kp: h2 Ф: f2 + 63. Kp: h2 Ф: f2 + 64. Kp: h2 Ф: f2 + 65. Kp: h2 Ф: f2 + 66. Kp: h2 Ф: f2 + 67. Kp: h2 Ф: f2 + 68. Kp: h2 Ф: f2 + 69. Kp: h2 Ф: f2 + 70. Kp: h2 Ф: f2 + 71. Kp: h2 Ф: f2 + 72. Kp: h2 Ф: f2 + 73. Kp: h2 Ф: f2 + 74. Kp: h2 Ф: f2 + 75. Kp: h2 Ф: f2 + 76. Kp: h2 Ф: f2 + 77. Kp: h2 Ф: f2 + 78. Kp: h2 Ф: f2 + 79. Kp: h2 Ф: f2 + 80. Kp: h2 Ф: f2 + 81. Kp: h2 Ф: f2 + 82. Kp: h2 Ф: f2 + 83. Kp: h2 Ф: f2 + 84. Kp: h2 Ф: f2 + 85. Kp: h2 Ф: f2 + 86. Kp: h2 Ф: f2 + 87. Kp: h2 Ф: f2 + 88. Kp: h2 Ф: f2 + 89. Kp: h2 Ф: f2 + 90. Kp: h2 Ф: f2 + 91. Kp: h2 Ф: f2 + 92. Kp: h2 Ф: f2 + 93. Kp: h2 Ф: f2 + 94. Kp: h2 Ф: f2 + 95. Kp: h2 Ф: f2 + 96. Kp: h2 Ф: f2 + 97. Kp: h2 Ф: f2 + 98. Kp: h2 Ф: f2 + 99. Kp: h2 Ф: f2 + 100. Kp: h2 Ф: f2 + 101. Kp: h2 Ф: f2 + 102. Kp: h2 Ф: f2 + 103. Kp: h2 Ф: f2 + 104. Kp: h2 Ф: f2 + 105. Kp: h2 Ф: f2 + 106. Kp: h2 Ф: f2 + 107. Kp: h2 Ф: f2 + 108. Kp: h2 Ф: f2 + 109. Kp: h2 Ф: f2 + 110. Kp: h2 Ф: f2 + 111. Kp: h2 Ф: f2 + 112. Kp: h2 Ф: f2 + 113. Kp: h2 Ф: f2 + 114. Kp: h2 Ф: f2 + 115. Kp: h2 Ф: f2 + 116. Kp: h2 Ф: f2 + 117. Kp: h2 Ф: f2 + 118. Kp: h2 Ф: f2 + 119. Kp: h2 Ф: f2 + 120. Kp: h2 Ф: f2 + 121. Kp: h2 Ф: f2 + 122. Kp: h2 Ф: f2 + 123. Kp: h2 Ф: f2 + 124. Kp: h2 Ф: f2 + 125. Kp: h2 Ф: f2 + 126. Kp: h2 Ф: f2 + 127. Kp: h2 Ф: f2 + 128. Kp: h2 Ф: f2 + 129. Kp: h2 Ф: f2 + 130. Kp: h2 Ф: f2 + 131. Kp: h2 Ф: f2 + 132. Kp: h2 Ф: f2 + 133. Kp: h2 Ф: f2 + 134. Kp: h2 Ф: f2 + 135. Kp: h2 Ф: f2 + 136. Kp: h2 Ф: f2 + 137. Kp: h2 Ф: f2 + 138. Kp: h2 Ф: f2 + 139. Kp: h2 Ф: f2 + 140. Kp: h2 Ф: f2 + 141. Kp: h2 Ф: f2 + 142. Kp: h2 Ф: f2 + 143. Kp: h2 Ф: f2 + 144. Kp: h2 Ф: f2 + 145. Kp: h2 Ф: f2 + 146. Kp: h2 Ф: f2 + 147. Kp: h2 Ф: f2 + 148. Kp: h2 Ф: f2 + 149. Kp: h2 Ф: f2 + 150. Kp: h2 Ф: f2 + 151. Kp: h2 Ф: f2 + 152. Kp: h2 Ф: f2 + 153. Kp: h2 Ф: f2 + 154. Kp: h2 Ф: f2 + 155. Kp: h2 Ф: f2 + 156. Kp: h2 Ф: f2 + 157. Kp: h2 Ф: f2 + 158. Kp: h2 Ф: f2 + 159. Kp: h2 Ф: f2 + 160. Kp: h2 Ф: f2 + 161. Kp: h2 Ф: f2 + 162. Kp: h2 Ф: f2 + 163. Kp: h2 Ф: f2 + 164. Kp: h2 Ф: f2 + 165. Kp: h2 Ф: f2 + 166. Kp: h2 Ф: f2 + 167. Kp: h2 Ф: f2 + 168. Kp: h2 Ф: f2 + 169. Kp: h2 Ф: f2 + 170. Kp: h2 Ф: f2 + 171. Kp: h2 Ф: f2 + 172. Kp: h2 Ф: f2 + 173. Kp: h2 Ф: f2 + 174. Kp: h2 Ф: f2 + 175. Kp: h2 Ф: f2 + 176. Kp: h2 Ф: f2 + 177. Kp: h2 Ф: f2 + 178. Kp: h2 Ф: f2 + 179. Kp: h2 Ф: f2 + 180. Kp: h2 Ф: f2 + 181. Kp: h2 Ф: f2 + 182. Kp: h2 Ф: f2 + 183. Kp: h2 Ф: f2 + 184. Kp: h2 Ф: f2 + 185. Kp: h2 Ф: f2 + 186. Kp: h2 Ф: f2 + 187. Kp: h2 Ф: f2 + 188. Kp: h2 Ф: f2 + 189. Kp: h2 Ф: f2 + 190. Kp: h2 Ф: f2 + 191. Kp: h2 Ф: f2 + 192. Kp: h2 Ф: f2 + 193. Kp: h2 Ф: f2 + 194. Kp: h2 Ф: f2 + 195. Kp: h2 Ф: f2 + 196. Kp: h2 Ф: f2 + 197. Kp: h2 Ф: f2 + 198. Kp: h2 Ф: f2 + 199. Kp: h2 Ф: f2 + 200. Kp: h2 Ф: f2 + 201. Kp: h2 Ф: f2 + 202. Kp: h2 Ф: f2 + 203. Kp: h2 Ф: f2 + 204. Kp: h2 Ф: f2 + 205. Kp: h2 Ф: f2 + 206. Kp: h2 Ф: f2 + 207. Kp: h2 Ф: f2 + 208. Kp: h2 Ф: f2 + 209. Kp: h2 Ф: f2 + 210. Kp: h2 Ф: f2 + 211. Kp: h2 Ф: f2 + 212. Kp: h2 Ф: f2 + 213. Kp: h2 Ф: f2 + 214. Kp: h2 Ф: f2 + 215. Kp: h2 Ф: f2 + 216. Kp: h2 Ф: f2 + 217. Kp: h2 Ф: f2 + 218. Kp: h2 Ф: f2 + 219. Kp: h2 Ф: f2 + 220. Kp: h2 Ф: f2 + 221. Kp: h2 Ф: f2 + 222. Kp: h2 Ф: f2 + 223. Kp: h2 Ф: f2 + 224. Kp: h2 Ф: f2 + 225. Kp: h2 Ф: f2 + 226. Kp: h2 Ф: f2 + 227. Kp: h2 Ф: f2 + 228. Kp: h2 Ф: f2 + 229. Kp: h2 Ф: f2 + 230. Kp: h2 Ф: f2 + 231. Kp: h2 Ф: f2 + 232. Kp: h2 Ф: f2 + 233. Kp: h2 Ф: f2 + 234. Kp: h2 Ф: f2 + 235. Kp: h2 Ф: f2 + 236. Kp: h2 Ф: f2 + 237. Kp: h2 Ф: f2 + 238. Kp: h2 Ф: f2 + 239. Kp: h2 Ф: f2 + 240. Kp: h2 Ф: f2 + 241. Kp: h2 Ф: f2 + 242. Kp: h2 Ф: f2 + 243. Kp: h2 Ф: f2 + 244. Kp: h2 Ф: f2 + 245. Kp: h2 Ф: f2 + 246. Kp: h2 Ф: f2 + 247. Kp: h2 Ф: f2 + 248. Kp: h2 Ф: f2 + 249. Kp: h2 Ф: f2 + 250. Kp: h2 Ф: f2 + 251. Kp: h2 Ф: f2 + 252. Kp: h2 Ф: f2 + 253. Kp: h2 Ф: f2 + 254. Kp: h2 Ф: f2 + 255. Kp: h2 Ф: f2 + 256. Kp: h2 Ф: f2 + 257. Kp: h2 Ф: f2 + 258. Kp: h2 Ф: f2 + 259. Kp: h2 Ф: f2 + 260. Kp: h2 Ф: f2 + 261. Kp: h2 Ф: f2 + 262. Kp: h2 Ф: f2 + 263. Kp: h2 Ф: f2 + 264. Kp: h2 Ф: f2 + 265. Kp: h2 Ф: f2 + 266. Kp: h2 Ф: f2 + 267. Kp: h2 Ф: f2 + 268. Kp: h2 Ф: f2 + 269. Kp: h2 Ф: f2 + 270. Kp: h2 Ф: f2 + 271. Kp: h2 Ф: f2 + 272. Kp: h2 Ф: f2 + 273. Kp: h2 Ф: f2 + 274. Kp: h2 Ф: f2 + 275. Kp: h2 Ф: f2 + 276. Kp: h2 Ф: f2 + 277. Kp: h2 Ф: f2 + 278. Kp: h2 Ф: f2 + 279. Kp: h2 Ф: f2 + 280. Kp: h2 Ф: f2 + 281. Kp: h2 Ф: f2 + 282. Kp: h2 Ф: f2 + 283. Kp: h2 Ф: f2 + 284. Kp: h2 Ф: f2 + 285. Kp: h2 Ф: f2 + 286. Kp: h2 Ф: f2 + 287. Kp: h2 Ф: f2 + 288. Kp: h2 Ф: f2 + 289. Kp: h2 Ф: f2 + 290. Kp: h2 Ф: f2 + 291. Kp: h2 Ф: f2 + 292. Kp: h2 Ф: f2 + 293. Kp: h2 Ф: f2 + 294. Kp: h2 Ф: f2 + 295. Kp: h2 Ф: f2 + 296. Kp: h2 Ф: f2 + 297. Kp: h2 Ф: f2 + 298. Kp: h2 Ф: f2 + 299. Kp: h2 Ф: f2 + 300. Kp: h2 Ф: f2 + 301. Kp: h2 Ф: f2 + 302. Kp: h2 Ф: f2 + 303. Kp: h2 Ф: f2 + 304. Kp: h2 Ф: f2 + 305. Kp: h2 Ф: f2 + 306. Kp: h2 Ф: f2 + 307. Kp: h2 Ф: f2 + 308. Kp: h2 Ф: f2 + 309. Kp: h2 Ф: f2 + 310. Kp: h2 Ф: f2 + 311. Kp: h2 Ф: f2 + 312. Kp: h2 Ф: f2 + 313. Kp: h2 Ф: f2 + 314. Kp: h2 Ф: f2 + 315. Kp: h2 Ф: f2 + 316. Kp: h2 Ф: f2 + 317. Kp: h2 Ф: f2 + 318. Kp: h2 Ф: f2 + 319. Kp: h2 Ф: f2 + 320. Kp: h2 Ф: f2 + 321. Kp: h2 Ф: f2 + 322. Kp: h2 Ф: f2 + 323. Kp: h2 Ф: f2 + 324. Kp: h2 Ф: f2 + 325. Kp: h2 Ф: f2 + 326. Kp: h2 Ф: f2 + 327. Kp: h2 Ф: f2 + 328. Kp: h2 Ф: f2 + 329. Kp: h2 Ф: f2 + 330. Kp: h2 Ф: f2 + 331. Kp: h2 Ф: f2 + 332. Kp: h2 Ф: f2 + 333. Kp: h2 Ф: f2 + 334. Kp: h2 Ф: f2 + 335. Kp: h2 Ф: f2 + 336. Kp: h2 Ф: f2 + 337. Kp: h2 Ф: f2 + 338. Kp: h2 Ф: f2 + 339. Kp: h2 Ф: f2 + 340. Kp: h2 Ф: f2 + 341. Kp: h2 Ф: f2 + 342. Kp: h2 Ф: f2 + 343. Kp: h2 Ф: f2 + 344. Kp: h2 Ф: f2 + 345. Kp: h2 Ф: f2 + 346. Kp: h2 Ф: f2 + 347. Kp: h2 Ф: f2 + 348. Kp: h2 Ф: f2 + 349. Kp: h2 Ф: f2 + 350. Kp: h2 Ф: f2 + 351. Kp: h2 Ф: f2 + 352. Kp: h2 Ф: f2 + 353. Kp: h2 Ф: f2 + 354. Kp: h2 Ф: f2 + 355. Kp: h2 Ф: f2 + 356. Kp: h2 Ф: f2 + 357. Kp: h2 Ф: f2 + 358. Kp: h2 Ф: f2 + 359. Kp: h2 Ф: f2 + 360. Kp: h2 Ф: f2 + 361. Kp: h2 Ф: f2 + 362. Kp: h2 Ф: f2 + 363. Kp: h2 Ф: f2 + 364. Kp: h2 Ф: f2 + 365. Kp: h2 Ф: f2 + 366. Kp: h2 Ф: f2 + 367. Kp: h2 Ф: f2 + 368. Kp: h2 Ф: f2 + 369. Kp: h2 Ф: f2 + 370. Kp: h2 Ф: f2 + 371. Kp: h2 Ф: f2 + 372. Kp: h2 Ф: f2 + 373. Kp: h2 Ф: f2 + 374. Kp: h2 Ф: f2 + 375. Kp: h2 Ф: f2 + 376. Kp: h2 Ф: f2 + 377. Kp: h2 Ф: f2 + 378. Kp: h2 Ф: f2 + 379. Kp: h2 Ф: f2 + 380. Kp: h2 Ф: f2 + 381. Kp: h2 Ф: f2 + 382. Kp: h2 Ф: f2 + 383. Kp: h2 Ф: f2 + 384. Kp: h2 Ф: f2 + 385. Kp: h2 Ф: f2 + 386. Kp: h2 Ф: f2 + 387. Kp: h2 Ф: f2 + 388. Kp: h2 Ф: f2 + 389. Kp: h2 Ф: f2 + 390. Kp: h2 Ф: f2 + 391. Kp: h2 Ф: f2 + 392. Kp: h2 Ф: f2 + 393. Kp: h2 Ф: f2 + 394. Kp: h2 Ф: f2 + 395. Kp: h2 Ф: f2 + 396. Kp: h2 Ф: f2 + 397. Kp: h2 Ф: f2 + 398. Kp: h2 Ф: f2 + 399. Kp: h2 Ф: f2 + 400. Kp: h2 Ф: f2 + 401. Kp: h2 Ф: f2 + 402. Kp: h2 Ф: f2 + 403. Kp: h2 Ф: f2 + 404. Kp: h2 Ф: f2 + 405. Kp: h2 Ф: f2 + 406. Kp: h2 Ф: f2 + 407. Kp: h2 Ф: f2 + 408. Kp: h2 Ф: f2 + 409. Kp: h2 Ф: f2 + 410. Kp: h2 Ф: f2 + 411. Kp: h2 Ф: f2 + 412. Kp: h2 Ф: f2 + 413. Kp: h2 Ф: f2 + 414. Kp: h2 Ф: f2 + 415. Kp: h2 Ф: f2 + 416. Kp: h2 Ф: f2 + 417. Kp: h2 Ф: f2 + 418. Kp: h2 Ф: f2 + 419. Kp: h2 Ф: f2 + 420. Kp: h2 Ф: f2 + 421. Kp: h2 Ф: f2 + 422. Kp: h2 Ф: f2 + 423. Kp: h2 Ф: f2 + 424. Kp: h2 Ф: f2 + 425. Kp: h2 Ф: f2 + 426. Kp: h2 Ф: f2 + 427. Kp: h2 Ф: f2 + 428. Kp: h2 Ф: f2 + 429. Kp: h2 Ф: f2 + 430. Kp: h2 Ф: f2 + 431. Kp: h2 Ф: f2 + 432. Kp: h2 Ф: f2 + 433. Kp: h2 Ф: f2 + 434. Kp: h2 Ф: f2 + 435. Kp: h2 Ф: f2 + 436. Kp: h2 Ф: f2 + 437. Kp: h2 Ф: f2 + 438. Kp: h2 Ф: f2 + 439. Kp: h2 Ф: f2 + 440. Kp: h2 Ф: f2 + 441. Kp: h2 Ф: f2 + 442. Kp: h2 Ф: f2 + 443. Kp: h2 Ф: f2 + 444. Kp: h2 Ф: f2 + 445. Kp: h2 Ф: f2 + 446. Kp: h2 Ф: f2 + 447. Kp: h2 Ф: f2 + 448. Kp: h2 Ф: f2 + 449. Kp: h2 Ф: f2 + 450. Kp: h2 Ф: f2 + 451. Kp: h2 Ф: f2 + 452. Kp: h2 Ф: f2 + 453. Kp: h2 Ф: f2 + 454. Kp: h2 Ф: f2 + 455. Kp: h2 Ф: f2 + 456. Kp: h2 Ф: f2 + 457. Kp: h2 Ф: f2 + 458. Kp: h2 Ф: f2 + 459. Kp: h2 Ф: f2 + 460. Kp: h2 Ф: f2 + 461. Kp: h2 Ф: f2 + 462. Kp: h2 Ф: f2 + 463. Kp: h2 Ф: f2 + 464. Kp: h2 Ф: f2 + 465. Kp: h2 Ф: f2 + 466. Kp: h2 Ф: f2 + 467. Kp: h2 Ф: f2 + 468. Kp: h2 Ф: f2 + 469. Kp: h2 Ф: f2 + 470. Kp: h2 Ф: f2 + 471. Kp: h2 Ф: f2 + 472. Kp: h2 Ф: f2 + 473. Kp: h2 Ф: f2 + 474. Kp: h2 Ф: f2 + 475. Kp: h2 Ф: f2 + 476. Kp: h2 Ф: f2 + 477. Kp: h2 Ф: f2 + 478. Kp: h2 Ф: f2 + 479. Kp: h2 Ф: f2 + 480. Kp: h2 Ф: f2 + 481. Kp: h2 Ф: f2 + 482. Kp: h2 Ф: f2 + 483. Kp: h2 Ф: f2 + 484. Kp: h2 Ф: f2 + 485. Kp: h2 Ф: f2 + 486. Kp: h2 Ф: f2 + 487. Kp: h2 Ф: f2 + 488. Kp: h2 Ф: f2 + 489. Kp: h2 Ф: f2 + 490. Kp: h2 Ф: f2 + 491. Kp: h2 Ф: f2 + 492. Kp: h2 Ф: f2 + 493. Kp: h2 Ф: f2 + 494. Kp: h2 Ф: f2 + 495. Kp: h2 Ф: f2 + 496. Kp: h2 Ф: f2 + 497. Kp: h2 Ф: f2 + 498. Kp: h2 Ф: f2 + 499. Kp: h2 Ф: f2 + 500. Kp: h2 Ф: f2 + 501. Kp: h2 Ф: f2 + 502. Kp: h2 Ф: f2 + 503. Kp: h2 Ф: f2 + 504. Kp: h2 Ф: f2 + 505. Kp: h2 Ф: f2 + 506. Kp: h2 Ф: f2 + 507. Kp: h2 Ф: f2 + 508. Kp: h2 Ф: f2 + 509. Kp: h2 Ф: f2 + 510. Kp: h2 Ф: f2 + 511. Kp: h2 Ф: f2 + 512. Kp: h2 Ф: f2 + 513. Kp: h2 Ф: f2 + 514. Kp: h2 Ф: f2 + 515. Kp: h2 Ф: f2 + 516. Kp: h2 Ф: f2 + 517. Kp: h2 Ф: f2 + 518. Kp: h2 Ф: f2 + 519. Kp: h2 Ф: f2 + 520. Kp: h2 Ф: f2 + 521. Kp: h2 Ф: f2 + 522. Kp: h2 Ф: f2 + 523. Kp: h2 Ф: f2 + 524. Kp: h2 Ф: f2 + 525. Kp: h2 Ф: f2 + 526. Kp: h2 Ф: f2 + 527. Kp: h2 Ф: f2 + 528. Kp: h2 Ф: f2 + 529. Kp: h2 Ф: f2 + 530. Kp: h2 Ф: f2 + 531. Kp: h2 Ф: f2 + 532. Kp: h2 Ф: f2 + 533. Kp: h2 Ф: f2 + 534. Kp: h2 Ф: f2 + 535. Kp: h2 Ф: f2 + 536. Kp: h2 Ф: f2 + 537. Kp: h2 Ф: f2 + 538. Kp: h2 Ф: f2 + 539. Kp: h2 Ф: f2 + 540. Kp: h2 Ф: f2 + 541. Kp: h2 Ф: f2 + 542. Kp: h2 Ф: f2 + 543. Kp: h2 Ф: f2 + 544. Kp: h2 Ф: f2 + 545. Kp: h2 Ф: f2 + 546. Kp: h2 Ф: f2 + 547. Kp: h2 Ф: f2 + 548. Kp: h2 Ф: f2 + 549. Kp: h2 Ф: f2 + 550. Kp: h2 Ф: f2 + 551. Kp: h2 Ф: f2 + 552. Kp: h2 Ф: f2 + 553. Kp: h2 Ф: f2 + 554. Kp: h2 Ф: f2 + 555. Kp: h2 Ф: f2 + 556. Kp: h2 Ф: f2 + 557. Kp: h2 Ф: f2 + 558. Kp: h2 Ф: f2 + 559. Kp: h2 Ф: f2 + 560. Kp: h2 Ф: f2 + 561. Kp: h2 Ф: f2 + 562. Kp: h2 Ф: f2 + 563. Kp: h2 Ф: f2 + 564. Kp: h2 Ф: f2 + 565. Kp: h2 Ф: f2 + 566. Kp: h2 Ф: f2 + 567. Kp: h2 Ф: f2 + 568. Kp: h2 Ф: f2 + 569. Kp: h2 Ф: f2 + 570. Kp: h2 Ф: f2 + 571. Kp: h2 Ф: f2 + 572. Kp: h2 Ф: f2 + 573. Kp: h2 Ф: f2 + 574. Kp: h2 Ф: f2 + 575. Kp: h2 Ф: f2 + 576. Kp: h2 Ф: f2 + 577. Kp: h2 Ф: f2 + 578. Kp: h2 Ф: f2 + 579. Kp: h2 Ф: f2 + 580. Kp: h2 Ф: f2 + 581. Kp: h2 Ф: f2 + 582. Kp: h2 Ф: f2 + 583. Kp: h2 Ф: f2 + 584. Kp: h2 Ф: f2 + 585. Kp: h2 Ф: f2 + 586. Kp: h2 Ф: f2 + 587. Kp: h2 Ф: f2 + 588. Kp: h2 Ф: f2 + 589. Kp: h2 Ф: f2 + 590. Kp: h2 Ф: f2 + 591. Kp: h2 Ф: f2 + 592. Kp: h2 Ф: f2 + 593. Kp: h2 Ф: f2 + 594. Kp: h2 Ф: f2 + 595. Kp: h2 Ф: f2 + 596. Kp: h2 Ф: f2 + 597. Kp: h2 Ф: f2 + 598. Kp: h2 Ф: f2 + 599. Kp: h2 Ф: f2 + 600. Kp: h2 Ф: f2 + 601. Kp: h2 Ф: f2 + 602. Kp: h2 Ф: f2 + 603. Kp: h2 Ф: f2 + 604. Kp: h2 Ф: f2 + 605. Kp: h2 Ф: f2 + 606. Kp: h2 Ф: f2 + 607. Kp: h2 Ф: f2 + 608. Kp: h2 Ф: f2 + 609. Kp: h2 Ф: f2 + 610. Kp: h2 Ф: f2 + 611. Kp: h2 Ф: f2 + 612. Kp: h2 Ф: f2 + 613. Kp: h2 Ф: f2 + 614. Kp: h2 Ф: f2 + 615. Kp: h2 Ф: f2 + 616. Kp: h2 Ф: f2 + 617. Kp: h2 Ф: f2 + 618. Kp: h2 Ф: f2 + 619. Kp: h2 Ф: f2 + 620. Kp: h2 Ф: f2 + 621. Kp: h2 Ф: f2 + 622. Kp: h2 Ф: f2 + 623. Kp: h2 Ф: f2 + 624. Kp: h2 Ф: f2 + 625. Kp: h2 Ф: f2 + 626. Kp: h2 Ф: f2 + 627. Kp: h2 Ф: f2 + 628. Kp: h2 Ф: f2 + 629. Kp: h2 Ф: f2 + 630. Kp: h2 Ф: f2 + 631. Kp: h2 Ф: f2 + 632. Kp: h2 Ф: f2 + 633. Kp: h2 Ф: f2 + 634. Kp: h2 Ф: f2 + 635. Kp: h2 Ф: f2 + 636. Kp: h2 Ф: f2 + 637.

Чемпионка СССР по спортивной гимнастике воронежская школьница Любовь Бурда.

Фото мастера спорта Владимира САФРОНОВА

норматива; оценивали выступление гимнаста очень строго.

Долгие годы количество мастеров спорта у нас в стране росло медленно. На 1 января 1955 года их было 444. В течение 1955 года заново мастера были присвоено 18 мужчинам и 46 женщинам. Но уже на следующий год цифры приумножились: 50 и 50. А через десять лет — в течение 1966 года — мастерами спорта стали 239 мужчин и 268 женщин (при количестве мастеров по гимнастике 2 654).

Итак, за десять лет число мастеров спорта увеличилось в шесть раз. И за эти же десять лет массовость сократилась вдвое — на миллион человек. Более парадоксального примера, пожалуй, не сыскать во всей истории спорта! Попытаемся объяснить это грандиозное несоответствие количества и качества особю, целенаправленной работой по отбору и подготовке талантов. Теоретически это возможно. Проверим нашу версию самым простым логическим ходом. Если в 1966 году мы получили 239 сверяемых мастеров-мужчин, в подальнейшем большинства своем, конечно, имеющих способности и подготовленные на основе современной научной методики, то по крайней мере добрая половина из них должна составлять резерв сборной СССР (три молодежных сборных).

В 1966 году в Дортмунде проходил чемпионат мира, окончившийся поражением нашей мужской сборной. Причины поражения: мы не смогли выставить равноценного состава. Половину команды (трое из шести) составляли ветераны, и даже в запасе не было

гимнастов, на которых бы можно было рассчитывать в будущем. Прошло еще два года. Мы проиграли в Мехико больше, чем в Дортмунде. Среди претендентов на поездку в Мехико в роли запасных мы видели тех же самых гимнастов, которые были в этой роли и перед Дортмуном.

Какого же качества были 239 мастеров образца 1966 года? Увы, очень плохого. Парадокс, следовательно, усугубляется: количество мастеров спорта с каждым годом растет, а резерв сборной страны скудеет. И как здесь не вспомнить, что в 1954 году, когда было всего 444 мастера спорта (мужчины и женщины), резерв мужской сборной мало чем уступал основному составу! И не случайно в течение восьми лет (до 1966 года) советская мужская сборная успешно отстаивала свои титулы чемпиона мира и Олимпийских игр.

Раскроем, наконец, секрет «производства» мастеров. Примерно с 1956 года мастера спорта пошли нагоря согласно все растущим плановым обязательствам спортивных организаций. Во имя плана условия выполнения мастериц нормативов облегчались, судьи субъективны в гимнастике — вещь субъективна. И очень скоро значок мастера спорта перестал быть символом мастера.

Последствия это имело самые печальные: выпал стержень в системе нашей гимнастики.

Константин КАРАКАШЯЦ: Для тренера вуза считается величайшей

заслугой подготовить плохого мастера. А лучше бы он готовил хорошему второразрядника. Было бы приятнее и ему самому, и спортсмену, и судьям. И артефакт в этом случае приходил бы смотреть даже вузовские соревнования.

Владислав БРЕЖНЕВ, заслуженный тренер СССР: Норматив мастера спорта перестал быть «пропуском» в большую гимнастику. Он не является больше базой современного мастера. Тренеры словно потеряли компас: работают по каким-то своим ориентирам, а в общем, кто во что горазд.

Юрий ТИТОВ: Звание мастера спорта обесценилось. Не случайно мы начали вводить новые разновидности этого звания: «Почетный мастер спорта», «Мастер спорта международного класса». Девальвация мастерского норматива произошла потому, что он перестал соответствовать высшему уровню современной гимнастики.

На больших международных соревнованиях борьба начинается еще до того, как гимнасты выйдут на помост. Первыми в спор выступают запасные участники (на чемпионате мира их

двое в команде, на Олимпийских играх — один). Они выступают по легкой программе соревнований на судейском семинаре. Официально это именуется «демонстрацией» — судьи притрагиваются, ищут общий язык. Но на самом деле за семинаром скрывается нечто большее: у судей складывается предварительное мнение о силе нововыда (на чемпионате мира в Риме в 1954 году после такого семинара судьи были поразены: «Если у них такие запасные», — говорили они о советской сборной, — то каковы же тогда основатели?), и даже определяются состояние развития гимнастики в стране, и делаются прогнозы на будущее. Это не так уж трудно, как может показаться непрофессиональному читателю. Если, например, оба «заубраны» — знакомые спортсмены и возраст их, что называется, бесперебортный, то, значит, налицо неблагополучие с резервом. Если управления гимнаста не отражают новых тенденций, значит, можно предположить зстой творчества. Неспроста на судейских семинарах всегда мужают киношники и присутствуют тренеры, руководители команды, журналисты.

В 1964 году в Тонко вице-президент Яношковиц фаворит гимнастики Тамас Ковач, увидев нашего дублера Михаила Воронина, воскликнул: «Я был бы счастлив иметь этого юношу своим сыном!» Через два года Михаил стал абсолютным чемпионом мира. И сомнению, этот пример — исключение. После 1954 года наши запасные редко вызвали восхищение. Я составил список всех, кто был дублерами со-

Испытатели перед очередным экспериментом в барокамере.

ЧЕЛОВЕК В

Евгений МЕСЦЕВ, специальный корреспондент «Смены».

Фото автора и Владимира КАМЕНЩИКОВА

Двое вносили здоровенный ящик. На свет появились: белоснежное кислотоупорное белье, тонкий перестройный костюм, шлемофон, перчатка и наконечник — ОКЛИНИТЕЛЬНО БЕЛЫЙ, ХРУСТАЩИЙ ОТ МАЛЕЙШЕГО ПРИКОСНОВЕНИЯ СКА-ФАНДР КОСМОНАВТА ЕВГЕНИЙ ХРУНОВА.

Мне предстоит надеть это устройство, пробыв в нем один час, сделать при этом работу...

Прежде всего в скафандре надлежит «уложить» ноги. Я саусус в кресло и довольно быстро продвигаю эту операцию. Затем изгибаюсь, пролезаю в рукава, навешиваю на плечи остальную часть скаффандра. Неприятно остается лишь голова — а последнюю очередь ее накроем герметичной шляпой.

Скаффандр распахнут от подбородка до пояса. Я вижу внутренности необычного костюма: три слоя специальной ткани (самый верхний, белый защищает от солнечного тепла и радиации), какие-то резиновые трубки, шпильки и арочка. Трубки, соединившись, станут вентиляционной системой скаффандра. Фантастические застежки очень скоро превратятся в аккуратный шов. Шпильки дополнительно усилят его прочность.

Нагнись, пожалуйста, пора надеть шлем...

Спина и чувствую прикосновение воздушного потока. Он приятно обдувает руки, ноги, шею, грудь и голову. Я изгибаюсь, помогая товарищам приладить гермошлем.

Исчезли голоса — лишь слабый фон в наушниках. Затем:

— Попробуй двинуться... пойдешь неплохо...
Хожу по комнате, поворачиваюсь, нагибаюсь, приседаю, равнюю руками, поднимаю их к голове, опускаю на лицо прозрачное забрало и золотистый светофильтр.

— Попробуй вложить надуву. Скаффандр немного радуется — пусть это тебе не чудит. Следи за ушами. Будет показывать, глотай слезу — пройдет. Готов? Начали!

Чувствую прохладу, затем — легкий зов.

Снова пробую нагнуться... Не тут-то было. А если пройтись? Поднимаю левую ногу, поставив ее на коврик, но пол отталкивает меня. Как робот, переступая через воздушный шланг, силую удержать равновесие.

— Возьми эту штуку. Попробуй несколько раз закрыть и отвернуть край.

Штука весит килограмма полтора. Я уверенно беру ее левой рукой, запястью на помощь правую. Нет, так не пойдет: воздух в скаффандре растаскивает руки! За мной наблюдаю, хотят проверить, на что гожуся. Я напрягаюсь, сую руку — вот там.

— Будь внимательнее — ты крутишь совсем не ту деталь... Кстати, она и не должна крутиться...

Прохлада уже не ощущаю — движения разорвали меня. Я кладу на стоник заплюнувшую деталь, несколько раз поднимаю и опускаю руки, запоминаю их рабочее положение и те усилия, которые для этого приходится делать. Тремят уносит минут пятнадцать. Затем я снова беру край и медленно поворачиваю голову механизма — ПОЛУЧИЛОСЬ!

Мои наставники рады не меньше меня:

— Теперь попробуй сесть!

— А вы далеко не уйдете?

Смееся...

Надуваются ступи, прогибаюсь и лечу на пол. Падения, однако, не замечаю, видимо, ребята успели меня подхватить. Пробую подняться самостоятельно: напрягаюсь так, будто тяну от пола двужидкую гирю. Встал! Очелся, жарко! Пропу добавь в скаффандр воздуха.

— У тебя все в норме — это с непривычки так кажется...

Мне дают бумагу, карандаш: «Напиши свои имя, фамилию».

Рука выводит какие-то закорючки. Пробую рисовать — получаются лишь ароматные квадраты да расплюсченные круги.

Опускаю светофильтр.

Силы у меня пока есть — фильтры опущены...

Песут невнятную стремлянку:

— Давай!

Но прежде к моему поясу цепляют ряды систем жизнеобеспечения. По правилам помощники должны отсоединить от скаффандра воздухопровод, а взамен подключить все устройства ради, которые и поддают в скаффандр кислород в строго заданном количестве и при нужной температуре. Равец почти не мешает движением, тяжести его я не чувствую. Жду, когда отсоединят длинный воздушный шланг. Но никак этого не делает, наверное, потому, что не желает упрощать мою «работу».

— Полевай наверх, но не торопись...

Я, кажется, освоился с особенностями скаффандра, а потому уверенно подпрыгиваю за поручни, твердо, но осторожно переставляю по ступенькам ноги.

«Домой», то есть на пол, возвращаюсь без приключений.

— Может быть, еще что-нибудь попробуем?

— Спасибо, на сегодня хватит...

Предшественником космического скаффандра по праву следует считать авиационный — его надевают военные летчики при полетах в стратосфере. Первый в СССР высотный скаффандр спроектировали инженер К. Чер-

товский в 1931 году: после аварии аэростата «ОСОАВНАХИМ-1» всем стало ясно, что пилоту надлежит подниматься на большую высоту в специальном защитном снаряжении: непременно легком, прочном, теплом и, что самое важное, абсолютно герметичном.

Первые конструкции очень походили на костюм доломала (см. фото): считали, что полководи подвержен тем же опасностям, что и пилот-высотник, разнуда лишь в среде: там окружает вода, здесь — разреженный воздух.

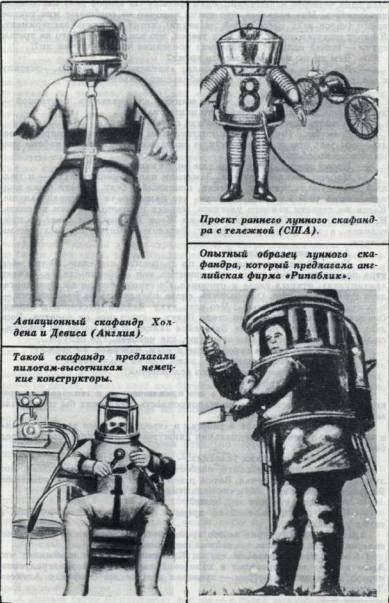
Испытывали первые отечественные скаффандры в 1937 году летчики Жданов и Коробов, иногда их надевали и конструкторы — Чертовский и Бойко.

Конечно, не все тогда было гладко. Жданов, например, после полетов в открытой кабине на высоте 7 000 метров жаловался, что стекла его скаффандра запотевают, а сам он сильно озяб. Стали думать, чем утеплить три слоя резины и ткани (именно так был шит этот скаффандр), как избавиться от влажного налета перед глазами летчика. Через три года в скаффандре, который утесил слезом коротковорсового меха, летали на «випаше» — серийном самолете «И-16» конструктора Поликарпова. На борту самолета стояла регионационная установка: с ее помощью в полностью загерметизированном скаффандре можно прожить несколько часов.

Затем был перерыв до 1946 года. К этому времени авиации потребовалась и околозвуковая скоростью и высоте более 20 тысяч метров. Летать в таких условиях без специального снаряжения было невозможно: малейшая авария в системах герметичности кабины грозила пилоту гибелью. Естественно, что прежде всего стали искать новые материалы для скаффандров. Требовалась защита не только от пониженного барометрического давления и холода, но и от ультрафиолетового облучения, быстрого воздушного напора. Особого внимания требовали защитные шлемы. После многочисленных опытов их решили делать из тонкой, но прочной стали, а для лица приготовить прозрачное, герметичное забрало...

... Я довольно быстро нашел рабочие места испытателей, но сразу поговорить с ними не удалось: одного встретил через день, другого через неделю (был в командировке, участвовал в фантастическом эксперименте), с третьим занимались врачи — готовили к опыту.

И вот, наконец, Арам Капелан. «Ходил» в авиационных и кос-

Прототип раннего думного скаффандра с резиновой (США).

Опытный образец думного скаффандра, который предлагала английская фирма «Рипабл».

Авиационный скаффандр Холдена и Девеса (Англия).

Такой скаффандр предлагали пилотам-высотникам немецкие конструкторы.

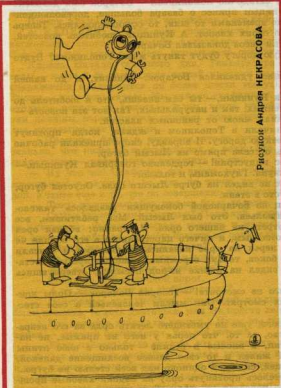

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

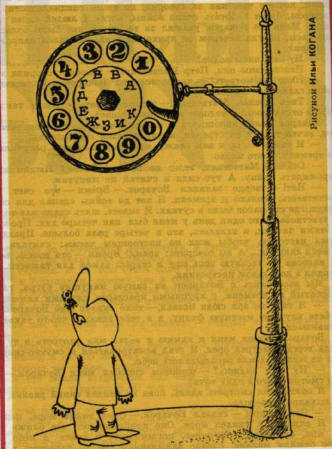

Рисунок Ильи КОГАНА

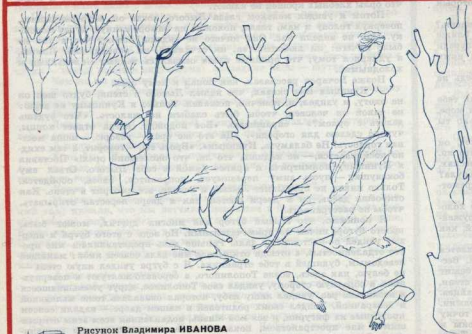
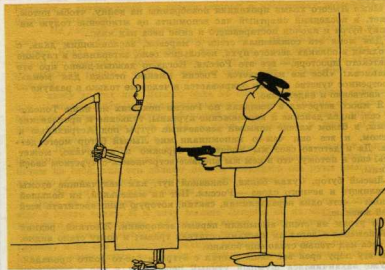
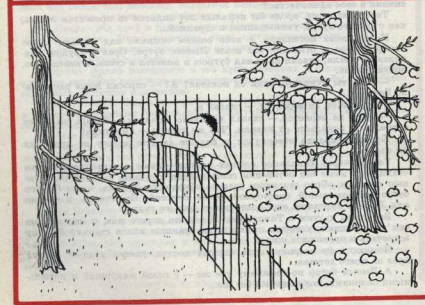

Рисунок Владимира ИВАНОВА

ЦЫП, ЦЫП, ЦЫП...

Рисунок Владимира БЛАНКМАНА

Рисунки Игоря ВОРОБЬЕВА

ПОЙМИ...

Песня из спектакля «Старые друзья»

Слова Михаила ПЛЯЦКОВСКОГО
Музыка Эдуарда КОЛМАНОВСКОГО

Пойми, мне обидно немного,
Что нас разлучает дорога,
Ведь я столько слов для тебя приберег.
Нечего, трудно только сначала.
Хочу, чтоб всегда ты встречала
Меня после всех, после всех дорог.

Говорят, что стареет любовь,—
Это все небылицы!
Ты не верь, ты не верь,
Это выдумал тот, кто разлук бонсай!

Пойми, не могу я иначе,
В путь накопай ты мне удачу,
Пойми, так нужна, так нужна мне она.

Ты моя — до последнего взгляда,
Уйду — не тревожься, не надо,
Сама ты поймать, все поймать должна.

Говорят, что стареет любовь,—
Это все небылицы!
Ты не верь, ты не верь,
Это выдумал тот, кто разлук бонсай!

Пойми, будет в жизни, пожалуй,
И встреч и прощаний немало
Под шум голубых дождевых дождей...
А Зельма — еще долго вернуться,
И мне — уходя, возвращаться,
Но ты все прости, все прости сумеи!

КРОССВОРД

Составил А. НЕВАРА, г. Дебальцево, УССР

По горизонтали:

3. Спортивный снаряд для метания. 7. Недостаток времени на обустройство ходов в шахматной партии. В. Сатирический журнал, издававшийся русским просветителем И. И. Новиковым. 9. Город в Иране. 13. Английский писатель-фантаст. 15. Комплет типографских литер. 17. Отрасль народного хозяйства. 18. Приток Волги. 19. Государство в Африке. 20. Сельскохозяйственное орудие. 21. Хвойное дерево. 22. Материалство, в котором сотрудничал М. Горький. 25. Город в Белорусии. 27. Земная кора. 28. Годовые иглы. 29. Автор мелодии песни «Далеко-далеко». 30. Торжественное вокально-инструментальное произведение. 34. Стоячая советская спонзная республика. 35. Город в Болгарии. 36. Роман Д. Олдриджа.

По вертикали:

1. Комедия Ж. Б. Мольера. 2. Работничковотников. 3. Детьля индийского национально-освободительного движения. 4. Город в ОАР. 5. Вид соцветия. 6. Героиня поэмы С. Есенина. 10. Небольшая скульптура. 11. Песня А. Островского. 12. Документ, дающий право на посещение Библиотек, театров. 13. Музыкант в эстрадном оркестре. 14. Площадка для постройки и слуска судов. 15. Специалист по вождению моравей и самолетов. 16. Болгарский писатель. 23. Советский художник-пейзажист. 24. Травянистое растение. 26. Подразделение пограничных войск. 30. Рена в Экваториальной Африке. 31. Русский летчик. 32. Приток Амура. 33. Узбекский советский писатель.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД. НАПЕЧАТАННЫЕ В № 6

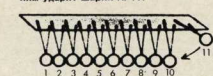
По горизонтали:

5. Плато. 6. Иезьт. 9. Декалитр. 10. Коголован. 14. Фабрикации. 15. Изюном. 17. Гамбит. 18. «Далеко». 19. Тамбовдор. 21. Коллекция. 23. Пузыряковдор. 26. Патрон. 28. Куриятином. 31. Пинапо. 32. Мирный. 35. Фабрикат. 34. Консалитум. 36. Альманах. 37. Астанитом. 38. Драмма. 39. Габон.

По вертикали:

1. Фарлаф. 2. Роттердам. 3. Зимородун. 4. Селанга. 7. Гавитино. 8. Калачикова. 11. Визка. 12. Интерперетация. 13. «Данас». 16. Поддубовый. 17. Рейлинофар. 20. Обька. 22. Огару. 24. Френельт. 25. Жиссоков. 27. Асино. 28. Шпангалет. 29. «Комиссары». 30. Овель. 34. Клавия. 35. Мрамор.

1. Десять стальных шариков висят так плотно, что касаются друг друга. Что должно с ними произойти, если по ним ударит шарик № 11?

2. Из 7 больших и 2 малых треугольников сложите один квадрат.

ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ «СМЕНЫ» № 6

1.

ТЕМА ЗАДАЧА.

ИДУЩИЕ ВПЕРЕДИ

Два года готовились московские художники и выставке, посвященной 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. По-настоящему, именно на этой выставке выступившие дружным фронтом столичные мастера изобразительного искусства особенно четко сформулировали свою гражданскую зрелость, продемонстрировали партийную убежденность.

«Весна сорок пятого» В. Штранка... Художник, представитель старшего поколения живописцев, обращается к теме возрождения страны: первая мирная зелень, свежий ветер, девушки, вышедшие на работу в мир, котирый настомы бешенству ветров». Язык картины поэтичен, но образ бурно рвущейся ираксчонй весны создан таим, какин он мог быть только в сорок пятом: первая весна мира. И вперед — счастливый труд, завоеванный в жестоких боях. А пока это момент необычтой тишины, с которой поется в песне, что когда она наступит, то будет необыкновенной, будет тише дождичной... Вот такой мы и видим ярзовучую тишину весны сорок пятого.

И от нас, от этой весны, идем мы к нашим будням. Будним, заполненным большими делами. Эти дела общие у отцов и детей. Поэтому в полотне Ю. Королева «Главный конструктор» зрители оглаждаются к черты человека, ставшего «отцом» космонавтов, и за плечами его — славные дела создателей космических кораблей. А с картины И. Шеландровой «Пути, дороги конструируют на нас доверчивые, чистые глаза юношей с сильными руками, юношей, осваивающих новые земли, строящих новые города, отырывающих новые космические трассы.

Жизнь дарит художникам большой простор для радужной, позсказивает образы, рожденные в горниле наших будней.

Ю. КОРОЛЕВ. «ГЛАВНЫЙ КОНСТРУКТОР».

В. ШАПОРИН. «МИНУТА МОЛЧАНИЯ».
Эскиз декорации к спектаклю «Третья патетическая».

В. ШТРАНКА. «ВЕСНА СОРОК ПЯТОГО».

